

16+

ИНФОРМАЦИЯ
К РАЗМЫШЛЕНИЮ

П Р И Л О Ж Е Н И Е

ФЕВРАЛЬ
2020

№2/109

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ХОД КОНИ**ПОДВИГ РАЗВЕДЧИЦЫ****ПОХОЖДЕНИЯ И ПРЕВРАЩЕНИЯ ДМИТРИЯ БЫСТРОЛЕТОВА****НИ ДНЯ БЕЗ ШИФРОВКИ****ДОСЬЕ ФАРЭВЕЛЛА****ЧАШКА ЧАЯ С ПОЛОНИЕМ****ЗАЩИТА СНАЙПЕРА****Анютинны глазки,
или****Смерть по расписанию**

Шпионская история, которая поначалу походила на пародию,
на самом деле, возможно, — лишь верхушка грандиозного айсберга.
А то и прикрытие реальной и эффективно действующей в США
русской разведсети

в спецвыпуске**СЕКРЕТЫ СПЕЦСЛУЖБ**

Ход Кони

ОДНО ИЗ ПЕРВЫХ ДЕЛ ВЕЛИКОГО РУССКОГО ЮРИСТА

■ Екатерина МЕЛЕДИНА

Публикация 2007 года

Говорят, что сюжетов в литературе всего-ничего, несколько десятков. И в жизни немногим больше. Причем очень часто сюжеты жизни совпадают с литературными. Один из них закручивается вокруг старухи и желающего с ее помощью обогатиться авантюриста: вспомним «Пиковую даму», Германна и старую графиню.

В нашей абсолютно реальной истории, имевшей место в 70-м году позапрошлого века, эти роли сыграли 50-летний титулярный советник Петр Торчаловский и княгиня Анна Григорьевна Щербатова 77-ми лет. Другие действующие лица: муж княгини Александр Сергеевич Щербатов 28 лет, приживалка Мария Константинова, дворник Павел Аверьянов. И, наконец, прокурор Петербургского окружного суда Анатолий Фёдорович Кони 27-ми лет. Кстати, выглядит он намного моложе, и мало кто с первого взгляда верит, что этот мальчик – прокурор. Однако «мальчик» – единственный положительный персонаж этой истории. Впрочем, он появляется в конце драмы, в зале суда, играя роль Фатума, чтобы воздать по заслугам злодею. Но за добродетель не заступает – ею в этой истории даже и не пахнет. Ни от единого человека.

Итак, в марте 1870 года управляющий домом княгини Щербатовой Пётр Торчаловский подал в суд на свою хозяйку. Она якобы задолжала ему 35 тысяч, написала расписку, а деньги платить отказывается. Приходится действовать через суд. Имеются два свидетеля, вот их письменные показания, так что будьте любезны – за долгую и безупречную службу положено вознаграждение.

Княгиня подала встречный иск, в котором утверждалось совершенно обратное: никаких расписок она не писала, никаких денег не обещала. Да и с какой стати, за что? Долгой и уж тем более верной службы вовсе не было. Не иначе как обязательство подложное, подпись – фальшивая. Ведь негодяй Торчаловский всегда так внимательно смотрел, как Анна Григорьевна расписывается, завитушки запомнить хотел.

Очень скоро после подачи иска княгиня умерла. Но юридическая машина уже заработала. Арест Торчаловского, следствие, суд. Значит, подлог? Но эксперты говорят, что подпись на письме – подлинная. Именно так расписывалась неграмотная княгиня Щербатова. Увы, «грамоте» княгиня не знала, ее просто научили выводить свою новую фамилию, которую она, благодаря недавней свадьбе, получила вместе с титулом. На тренировке у нее ушло три месяца.

Характеристики, данные участника процесса княгине, несмотря на сухой язык протокола, настолько яркие, что, по выражению Кони, «она встает из гроба и оживает перед нами во всей своей непривлекательной оригинальности».

Мошенник был выведен на чистую воду благодаря убедительной логике прокурора Анатолия Фёдоровича Кони (на фото)

Из грязи

Княгиня Анна Григорьевна когда-то была очаровательной «нимфеткой» самого простейшего происхождения. В 13 лет трудный подросток сбегает из родительского дома. И попадает на глаза любителю несовершеннолетних красок – малороссийскому помещику по фамилии Иваненко. Несмотря на столь нежный возраст, Аня знала, чего хотела. Не приключений она искала, а положения и денег. Кроме юности и красивого личика у нее ничего не было. Этим капиталом она умело распорядилась: Иваненко на ней женился. И недолго обременял жену своим присутствием на грешной земле.

Следующим мужем Анны Григорьевны стал генерал Барышников. И он скоро оставил свою супругу вдовой. Богатой, заметим, вдовой. Шли годы,

краса померкла. Но, несмотря на это, генеральша не страдала от отсутствия мужского внимания. К ней сватались. Например, отец ее близкой подруги баронессы Энгельгардт. Но она выбрала молодого князя Щербатова. Бывшая уличная девчонка Нюрка стала теперь Щербатова, а Щербатовы вели свой род от самого Рюрика!

Свадьба, правда, чуть не сорвалась: княгиню не хотели венчать, потому что она не представила свою метрику, где бы значился ее подлинный возраст. Однако она пошла на исповедь, где заявила, что ей «всего-то» 45 лет. После этого молодых обвенчали. Новоиспеченный муж отказался ее сопровождать, поэтому в карете с Анной Григорьевной ехал ее поверенный.

Семейная жизнь не задалась. Анна Григорьевна называла мужа «мой мот». Александр Сергеевич был завсегдатаем Дома Тарасова – знаменитой долговой

тюрьмы в Санкт-Петербурге. Молодой князь рассчитывал, что его дряхлая жена непременно будет его обожать за молодость и знатность. Да за счастье почтет оплачивать счета блестящего мужа.

Не на ту напал. Анна Григорьевна никогда никого не любила, не жалея и не собиравшись предаваться этим глупостям на старости лет. У нее была другая цель. Как другой пушкинской старухе, ей хотелось стать владычицей морскою. А знатный и недалекий жених был всего лишь средством достижения княжеского титула. Кстати, чтобы выйти замуж за князя, генеральша Барышникова пустила по Петербургу слухи о своем непомерном богатстве. Конечно, слухи имели под собой твердую почву – она была богата, но не несметно. Князь просчитался: его долги, достигавшие 300 тысяч рублей, превышали состояние супруги.

Едва отгрели свадебные торжества, на старуху напали кредиторы. Вначале она, опасаясь скандала, действительно принялась выплачивать мужнины долги. Внесла 10 тысяч, потом 30, наконец 80! Поняла бесперспективность этого занятия: князь проматывал и проигрывал гораздо быстрее, чем княгиня платила по счетам. К тому же свободные средства у нее заканчивались. Анна Григорьевна выплаты прекратила, кредиторам отказала, а своего благоверного вернула в тюрьму. К зиме, правда, она прислала ему шубу. Александр Сергеевич и в тюрьме умудрился шубу промотать. Княгиня впала в ярость и окончательно порвала с непутевым супругом. Да он ей больше и не был нужен – титул есть, чего еще надо?

Никакой особой княжеской жизни Анна Григорьевна не вела, а предпочитала времяпрепровождение обычной вздорной русской барыни. Окружила себя сонмом приживалок и компаньонов, которых шпыняла, как хотела, тасовала, как колоду карт, а они терпеливо сносили такое обращение в надежде на вознаграждение в будущем. Самой верной своей наперснице Марии Константиновой, прожившей у нее восемь лет, обещала оставить в наследство пять тысяч, но так этого и не сделала. Иногда лишь подбрасывала мелочь – материю на платье, платочек. Всех подозревала в воровстве. «Ты мне грош не отдала», – говорила она приживалке, вернувшейся с покупками из лавки. Молоко она покупала сама, и, дабы его не выпили старушки, хранила у себя в спальне. Она до паники боялась ночных грабителей и ложилась спать не раньше пяти утра. Не зная ни единой буквы, делала вид, что читает документы, которые давали ей на подпись, долго в них вглядывалась, шевелила губами.

А еще подозрительная и вредная старуха любила хвастаться. Например, рассказывала своим приспешникам, какие у нее бесценные бриллианты. При этом от рассказа к рассказу стоимость бриллиантов все возрастала. Увешавшись драгоценностями и принарядив-

БЕРНАРДО СТРОЦЦИ «СТАВАЯ КОМЕТКА» (XVII в.). РЕПРОДУКЦИЯ «РИА НОВОСТИ»

своим большим петербургским домом на Захарьевской улице. Анна Григорьевна опять прощает своего вассала, он поступает к ней в управляющие и получает квартиру в доме. Испытанный сценарий повторяется – он раздражает княгиню, она его подозревает (и небезосновательно) в махинациях, бесчестных намерениях и безделье, и в сердцах бросает своей приживалке: «Маруська, у меня полон дом жильцов, а денег нет!».

Кульминация сюжета – Торчаловский через суд предъявляет старухе ее обязательство заплатить ему 35 тысяч рублей. Все чин чинном, на бумаге красуется старательно выведенная ею подпись. Анна Григорьевна подает встречный иск и вскоре умирает. К слову, ее муж-должник покинул сей мир несколько раньше.

Разоблачение

Состоялся фантазмагорический суд, где пострадавшей стороной выступила покойная княгиня Щербатова, незримо присутствующая в зале. Это и сыграло решающую роль в исходе дела. Уникальный характер княгини, детально описанный всеми участниками процесса, говорил сам за себя – никогда княгиня не могла подарить деньги проходивцу Торчаловскому. Что с блеском и доказал прокурор Кони.

Профессиональное чутье говорит прокурору, что это подлог. Как доказать, когда свидетели путаются в показаниях, а подпись на документе – подлинная? По деталям Кони, подобно Шерлоку Холмсу, выстраивает картину преступления.

Логика его следующая. Поскольку доказательств в делах о подлогах не так много, необходимо сосредоточиться на психологии и задать вопрос: могли ли между Торчаловским и княгиней возникнуть столь нежные отношения, чтобы она так просто взяла и отдала ему огромные деньги. Заметим, что своей ближайшей подруге баронессе Энгельгардт Анна Григорьевна оставила в наследство всего 25 тысяч рублей. Приживалки получили крохи. Верная наперсница Константинова осталась с носом вместо обещанных пяти тысяч. Как при такой феноменальной скупости, доходящей «до гадости», по выражению одного из свидетелей, возможны подобные жесты? Более того, совершая какое-нибудь мелкое благодеяние, княгиня обычно трубила о нем на весь свет, чтобы все знали о ее добродетелях. А тут, даря 35 тысяч, решила промолчать? Да такого просто не может быть.

Более того, со слов многих свидетелей, княгиня постоянно почем зря «ругательски ругала» Торчаловского и самими невинными в ее устах были слова «мошенник», «негодяй» и «мерзавец».

По версии Торчаловского, княгиня не платила ему жалованья, и обещанные 50 тысяч (такова была первоначально оговоренная сумма) должны были стать вознаграждением за неустанные труды. Однако, когда дошло до конкретного разговора, княгиня цифру велела убавить и расписку переписать.

А затем ее спокойно подписала. В качестве свидетеля на бумаге расписался дворник Павел Аверьянов.

Но любому разумному человеку покажется странным, что дворник принимает участие в господских финансовых делах. Хотя Щербатова жаловала Аверьянова – она как-то потеряла в карете бриллиантовую серьгу, а он ее нашел и вернул. Но этого явно недостаточно для того, чтобы звать в свидетели дворника, когда у княгини есть поверенный, который и вел такого рода дела.

Кони также ловит Торчаловского на мелком вранье: княгиня, конечно, не любила платить своим людям деньги, но жалованье, пусть не вовремя, Торчаловский получал: сохранились расписки.

Торчаловский предъявил еще одного свидетеля, выступавшего на его стороне, ту самую любимую приживалку княгини Марию Константинову – «Маруську». В деле фигурирует ее письмо, в котором она еще раз пересказывает историю с распиской и предупреждает Торчаловского, что княгиня платить не хочет и собирается подать на него в суд. Писано с ошибками, старушечьим почерком, – несомненно, писала она сама, но таким бюрократическим языком, каким приживалки не разговаривают. Тем более Константинова, которая экспертов называет «каспертами». Да и с какой, собственно, стати, ближайшую подругу княгини, у которой она ходит в любимицах и первых лицах, вдруг взволновали интересы постороннего человека?

Кони объясняет странное поведение свидетельницы ее болезнью. Дело в том, что старушка заболела воспалением легких, и так тяжело, что ее буквально несли в больницу на руках. Торчаловский не мог не воспользоваться таким подарком судьбы – тепленькой взять ближайшую подругу хозяйки. Он забирает из больницы Константинову, везет к себе домой, выхаживает и, когда она более или менее приходит в себя, диктует ей текст. Старушка, плохо понимая, чего от нее хотят, письмо написала, поскольку чувствовала себя обязанной – ведь Торчаловские ее вылечили.

Запасливый управляющий приготовил публике еще одну свидетельницу – некую Коханеву, поведавшую у своем разговоре с княгиней. Мол, княгиня, ругая Торчаловского негодяем и мерзавцем, сказала, что зря он обнародовал расписку при ее жизни – надо было после смерти. Однако близкие княгине люди показали, что Коханеву они никогда в доме княгини не видели.

Придумав всю эту комбинацию с распиской и собрав свидетелей, Торчаловский умудрился сам себя выдать. Ему страшно хочется с кем-нибудь поделиться, рассказать о своем подвиге, о том, как он обвел княгиню вокруг пальца. И чтобы выслушал его человек понимающий, так сказать, «волокущий» в подобных делах. Он не находит ничего лучшего, как покрасоваться провернутыми делишками в кабинете мирового судьи, перед его помощником. Посвойски, как юрист юристу со смехом рассказал, как подsunул княгине под видом доверенности расписку. Что на самом деле и было.

Наконец, в дело легло еще одно существенное показание. Торчаловский пытался вытащить из княгини деньги с помощью ее поверенного, за что обещал тому хороший процент – семь тысяч рублей из 35. Однако поверенный от участия в «операции» отказался.

Торчаловский все продумал до мелочей, подчеркивал молодой Кони. Он даже учел возможную смерть старухи: она недавно собирала консилиум, и врачи обнаружили у нее «семь болезней». Эскулапы открыто заявили княгине: до лета не дотянете, умрете в апреле, когда начнется ледоход. Так оно и случилось. С первыми льдинами она отбыла в иной мир, оставив живых ломать голову над загадкой ее расписки.

ПРИНАРЯДИВШИСЬ, КНЯГИНЯ ВЕРТЕЛАСЬ ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ. КОГО ОНА ВИДЕЛА? МОЖЕТ, ЮНУЮ КРАСАВИЦУ, СУМЕВШУЮ ЗАБРАТЬСЯ НА САМЫЙ ВЕРХ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЛЕСТНИЦЫ?

шись, княгиня любила вертеться перед зеркалом. Кого она там видела? Может быть, в сверкающей бесконечности отражалась юная красавица, сумевшая со дна жизни забраться на самый верх общественной лестницы?

Месть

Они были знакомы с княгиней двадцать лет. Еще в пору ее «генеральства» мелкий чиновник Торчаловский пользовался покровительством супружеской пары Барышниковых. И даже жил в их доме: у него была комната при кухне и стол. Анна Григорьевна была на его свадьбе посаженной матерью. Но за хорошее отношение надо платить, в том числе и своим достоинством. Однажды господу благодетели велели Торчаловскому сбежать в конюшню и поторопить конюхов – пора ехать, а лошади не готовы. Он воспринял это приказание как оскорбление, его дворянская кровь закипела, и он ушел от Барышниковых. Возможно, именно тогда Торчаловский решил отомстить.

Через десять лет Торчаловский вновь появляется в доме Анны Григорьевны. Наши герои мирятся, и Торчаловский берется управлять имением будущей княгини в Черниговской губернии. Проходит год, и Анна Григорьевна узнает, что Торчаловский продал без ее ведома лес, а себе из этого же леса построил дом! Вновь крик, ругань и разрыв.

Проходит еще десять лет, и снова Торчаловский возвращается к Анне Григорьевне, теперь уже княгине Щербатовой. Каким-то образом ему удалось стать поверенным ее беспутного мужа Александра Щербатова. Но его цель – не промотавшийся князь, а состоятельная княгиня. Он играет на честолюбии старухи: ей нравится, когда к ней обращаются за советом, просят рассудить, научить. Он и пишет ей крайне почтительное письмо, называя Анну Григорьевну «милой, доброй мамашей», винится перед ней, убеждает, что он уже не тот легкомысленный юнец, которого она знала двадцать лет назад. И попадает в точку – княгиня только что прогнала очередного управляющего

**Торчаловский пытался
вытащить из княгини деньги
с помощью ее поверенного,
за что обещал тому хороший процент –
семь тысяч рублей из 35.
Однако поверенный от участия
в «операции» отказался.**

Подвиг разведчицы

■ Владимир ВОРОНОВ

Публикация 2010 года

Ни о какой разведке Тамара Трембач не помышляла. На дворе был 1936 год, за плечами школа и рабфак. Нашей героине 16 лет, и грезилась девушка со станции Путепровод, как и многие, авиацией.

– Авиация тогда в большой моде была. А ближайший город, где были институты, – Харьков, вот я и поехала поступать в Харьковский авиационный. Выдержала экзамены, но меня не приняли – выдали справку, что по возрасту не прошла. С этой справкой я могла поступать куда угодно. Иду по улице, вижу вывеску: Институт лингвистического просвещения. Зашла. А уж как увидели мою справку из авиационного, уговорили остаться. На французском отделении у них как раз был недобор. Рядом аэроклуб – как же я могла пройти мимо! Но... не приняли по росту: двух сантиметров не хватило. Поступила в парашютную школу. Всю зиму занимались, а весной уже прыгали. Так в 17 лет стала парашютисткой – параллельно с учебой в институте. Но и с мечтой об авиации расставаться не собиралась. В том же аэроклубе пошла на штурманское отделение. Вдобавок на Украине тогда очень голодно было, а в аэроклубе давали поесть. Когда возили на аэродром – толченую картошку с водой, кусок хлеба, а то и котлету, неизвестно из чего, правда, сделанную. В общем, и парашютисткой была, и штурманское отделение закончила, получив специальность летнаба – летчика-наблюдателя. Да еще и альпинисткой заделалась. А в авиации все не принимают! Вот тогда я и написала слезное письмо наркому обороны Ворошилову: хочу быть летчиком. И что вы думаете? Из Москвы пришел ответ: зачислить. Но рост у меня был такой маленький, что до педалей ноги не доставали, так мне мешочки с песком подкладывали, выдвигали все, что можно выдвигать. А на четвертом курсе лингвистического к нам из Москвы приехал военный – помню его фамилию, Капустин. К нему стали вызывать некоторых студентов на беседы. Дошло до меня: предложил после окончания продолжить учебу в специальной школе. Чему там придется учиться, чем заниматься, он не распространялся – дал понять, что это как-то будет связано с языком и военным делом. Еще сказал, что если я подойду, к новому году вызовут в Москву. Вызвали нас 12 человек. Поселили по двое в гостинице «Москва», на 12 этаже, с видом на Кремль и Красную площадь, помню даже номер комнаты – 10-12. Еще помню, как в номер принесли сказочный ужин – огромный чайник с чаем и бутерброды с колбасой и с черной икрой. Впервые тогда ее попробовала, но икра мне как-то сразу не понравилась. А потом с нами беседовали разные специалисты, похоже это было на то, что сейчас называют тестированием. Шесть человек отсеяли. Нам уже открыто говорили, что для защиты Родины нужны люди подготовленные, знающие, способные сделать все, чтобы узнать планы противника. Мне сказали, что если я пройду, по окончании института вызовут в Москву. Так прошла зима, весна, все уже получили распределение – тогда оно было обязательным, а мне назначения все нет и нет. Но, если честно, меня это совсем не заботило: я все еще страстно хотела заниматься только авиацией. И вдруг – телеграмма: в Москву...

Слушая Тамару Романовну, вспоминаю: советская военная разведка в канун войны переживала не лучшие времена. За три года, с 1938-го по 1941-й, сменилось шесть начальников. В 1940-м Разведупр возглавлял 33-летний генерал-лейтенант Иван Проскуров. Еще пять лет назад летчик Иван Проскуров командовал экипа-

С 1940 ГОДА ЕЕ ГОТОВИЛИ ДЛЯ НЕЛЕГАЛЬНОЙ РАБОТЫ. ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ ОНА ПЕРЕБРАСЫВАЛА РАЗВЕДЧИКОВ ЧЕРЕЗ ЛИНИЮ ФРОНТА, УЧАСТВОВАЛА В ВОССТАНОВЛЕНИИ АГЕНТУРНОЙ СЕТИ В ЕВРОПЕ. ВСПОМИНАЕТ ВЕТЕРАН ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ ТАМАРА РОМАНОВНА КЛИМЕНКО

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА Т. КЛИМЕНКО

жем, потом отличился в боях в Испании. Старшему лейтенанту присвоили звание Героя Советского Союза, и он тут же стал майором, по возвращении в СССР получив под свое начало авиабригаду, потом отдельную авиационную армию. Затем стремительно вознесся в кресло заместителя наркома обороны – начальника военной разведки. К тому времени репрессии истощили центральный аппарат военной разведки, и на смену истребленным профессионалам приходили майоры-дилетанты. «В Центральном комитете партии, – вспоминал в своих мемуарах ветеран военной разведки генерал-майор Виталий Никольский, – считали, что в разведке, как, впрочем, и

повсюду, самое главное – пролетарское происхождение...» Ту эпоху в Разведупре так и окрестили – эра майоров. Вдобавок и нелегальная сеть была вырезана руками самих чекистов.

Хитрый домик

– Готовили нас практически индивидуально, – рассказывает Тамара Романовна об учебе в разведшколе, – распределили по «точкам» по несколько человек, жили за городом в отдельном доме. Там была обслуга и все, что полагается для жизни, – ведь хозяйством мы не занимались, только спецподготовкой. Конечно, я прекрасно помню, где был этот дом, мы же регулярно ездили на электричках в Москву – проводили учебные встречи со связниками, отработывали пароли, явки. Не буду называть это место: может, этот домик и по сей день используют для подготовки. Нас учили водить машину, играть в теннис, ездить на велосипеде. Кого-то – радиodelу. Приезжали и преподаватели по общеобразовательным дисциплинам, доводили до совершенства язык. У меня основным был французский, еще знала испанский и итальянский, но похуже. И, разумеется, изучали ту страну, куда могли направить, ее историю, обычаи. Была и другая подготовка.

Как и положено опытной разведчице, Тамара Романовна до сих пор бережет военную тайну. Которую, впрочем, можно слегка приоткрыть, заглянув в редкие воспоминания ее коллег. Уже упомянутого Виталия Никольского готовили практически тогда же – возможно, в том же самом

«домике». «В целях конспирации слушатели были разбиты на небольшие учебные группы, располагавшиеся на «точках» за городом. Группы не были связаны между собой, поскольку имели полностью автономные хозяйства... Наша «точка» располагалась под Москвой в особняке, который скрывался в гуще деревьев и был огорожен высоким дощатым забором... На «точке» имелись свои учебные кабинеты, лаборатории, спортплощадка, пищеблок». Перед прибытием на «точку» всем слушателям меняли фамилии, выдавали новые документы прикрытия. Об учебе в разведшколе было запрещено говорить даже ближайшим родственникам. И не было там экстравагантных шуток из шпионских романов, а были криптография, радио- и фотодело, страноведение. Не менее пяти часов в день – иностранный язык. И, разумеется, штудирование трудов классиков марксизма-ленинизма.

Схоже описывает подготовку военного разведчика той поры полковник Сергей Полторак, биограф Кента – разведчика Анатолия Гуревича, одной из ключевых фигур знаменитой советской разведывательной сети в Европе, «Красной капеллы». Правда, сетует он, учеба эта, «несмотря на всю ее интенсивность и квалифицированность инструкторов, как показала дальнейшая жизнь, была крайне поверхностна. Она отдавала кустарщиной несложившегося еще опыта военной разведки». Наиболее же уязвимым в подготовке будущих разведчиков полковник считает то, что они «не представляли себе специфики жизни нелегала в совершенно незнакомом обществе».

Премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль и генерал Шарль де Голль в освобожденном Париже

ФОТОБАНК/GETTY IMAGES

Кстати, среди преподавателей изредка встречались и опытные нелегалы. Например, Тамару Романовну учил Яков Бронин, он же Горин (была у него и масса других псевдонимов) – в качестве резидента Разведупра он в 1933 году сменил в Шанхае Рихарда Зорге. Хотя, конечно, будущая разведчица не знала ни подлинных имен своих наставников, ни некоторых пикантных моментов их биографий. Что касается Бронина, то даже в центральном аппарате разведки лишь единицы были в курсе, что именно он в октябре 1934 года написал на Зорге тот самый донос, который посеял в Центре недоверие к разведчику, по сути, сгубив его. Курсантам Высшей специальной школы Генштаба РККА (так именовалась разведшкола) не рассказывали, что учивший их премудростям нелегальной работы «великий нелегал» в 1935 году провалился сам, потянув за собой всю шанхайскую агентурную сеть Разведупра.

– Мы проучились с августа 1940-го по апрель 1941 года, – продолжает Тамара Романовна. – А потом нас отправили на практику в Прибалтику. Она уже к тому моменту стала наша, но в то же время как бы еще была границей. Мне выдали журналистские документы прикрытия – удостоверение корреспондента «Комсомольской правды». Отправили меня на две недели в Литву, в Каунас, тренироваться в сборе информации. Знаете, просто чувствовалось, как нас там ненавидят! Мы старались не афишировать, что мы русские, и как можно меньше рассказывали о себе. А в июне началась война. Об этом мы узнали в электричке по дороге в Москву, где каждый из нас должен был провести учебную встречу со связником. Но в тот день на встречу никто не пошел, вернулись на «точку».

Куда именно планировали забросить Тамару Романовну, она не знает. Видимо, на усиление парижской или, что более вероятно, двух бельгийских резидентур, Кента или Паскаля, – там катастрофически не хватало кадров. Но к лету-осени 1942 года немецкая контрразведка разгромила агентурную сеть советских разведок в Европе (и военной, и политической) «Красную капеллу». Виды на разведчицу поменялись в начале войны. И Тамара получила задание: осесть в Батуми. Москва всерьез опасалась, что против СССР на стороне немцев может выступить Турция и Иран.

Ценой больших потерь

– Ожидали тогда, что немцы двинутся и со стороны Ирана. Потому меня отправили в Батуми, я даже успела там на работу устроиться, чтобы легализоваться. Но немцы так быстро наступали, уже дошли до Ростова! Так что в Батуми я не засиделась, отозвали в Москву, а потом отправили в воинскую часть особого назначения, на Кавказ. Там мы готовили разведчиков для заброски в тыл врага.

«В Разведывательном управлении началась лихорадочная деятельность по подбору и подготовке разведчиков для работы в тылу противника, – вспоминает Виталий Никольский. – Наверстывались беспечные упущения мирного времени... Создавались школы по подготовке командиров групп, радистов, разведчиков. Причем преподавателей от слушателей отличало лишь служебное положение, так как ни теоретической, ни тем более практической подготовки все они не имели.... Опыт приобретался ценой больших потерь».

– Людей для заброса в тыл к немцам мы готовили очень быстро. Учили радиоделу, основам конспирации, как вести себя в тылу врага, как наладить связь, чтобы не попасть в ловушку, – рассказывает Тамара Романовна, – три-четыре учебных прыжка – и забрасывали. Нельзя было останавливаться, немец так далеко зашел! И сколько оказалось предателей среди населения! Своих подопечных мы сопровождали на самолете через линию фронта. Задания разные были: совершить диверсию, выйти на связь с партизанской группой, проникнуть в немецкую часть, чтобы добыть оперативную информацию. Забрасывали радистов в партизанские отряды. Обычно, выяснив, что где-то есть какие-то склады, посылали диверсанта их взорвать. Или,

например, посылали диверсанта, чтобы уничтожить какого-то человека – предателя. При этом на месте уже все подготовлено было, а наш человек должен был прибыть к месту как исполнитель. Учили, разумеется, как и где надо прятать парашют после приземления. Да многим

прыгаете, выдерживаете кольцо... Когда нас сбили в первый раз, мы с пилотом на земле потерялись, каждый выходил к своим поодиночке. В другой раз вдвоем выходили: тяжело пришлось – местности совершенно не знали, даже карт у нас не было. Долго блуждать пришлось, пока к

ФОТОБАНК/GETTY IMAGES

Парижане перед портретом Гитлера через день после того, как немецкий гарнизон сложил оружие, август 1944 года

мелочам, из которых складывается дело. Языку вот не учили: не было ни возможности, ни времени. Поскольку я закончила спецшколу еще до войны, меня назначили командиром взвода. Какие у нас были чудесные парни и девушки... А погибали очень многие. Некоторые возвращались, искалеченные. Сергей Соловьев из Ленинграда сумел вернуться с обмороженными руками, не зная, остался ли жив. Некоторым предстояло оставаться на занятой врагом территории, легализоваться, им обычно сочиняли легенду: перебежчик, закоренелый враг советского строя и что-то еще в этом роде. Но легенды разрабатывали уже не мы, а разведотдел штаба Закавказского фронта. Экипировка несложная была: если радист – рация, питание к ней, если диверсант – взрывчатка. И у всех обязательно – финка и пистолет.

В одном из архивных документов той поры нашел подробное описание той экипировки: не слишком крупная сумма денег, сухой паек от силы на два месяца – сухари, сало, немножко консервов, спирт, сахар, соль, спички. Если радист – надежная, но громоздкая рация «Север» и два комплекта батарей – это уже 10 кг. Еще была поношенная гражданская одежда. От денег все равно никакой пользы не было, поскольку в прифронтовой зоне ценности они не представляли, а гражданскую одежду перед заброской приходилось выменивать у местных жителей на военную форму. «Засыпались» разведчики на мелочах. Так, прекрасно подготовленная группа «З-М» («Три Марии»), засланная разведотделом Западного фронта, провалилась лишь потому, что при поспешном обыске местные полиция нашли у одной из девушек в кармане пальто книжечку проездных билетов московского метро, на которых тогда проставлялся и год, и месяц.

– Забрасывали обычно по одному, – продолжает Тамара Романовна, – на парашютах с самолетов: у нас были трехместные и двухместные, мы их называли «кукурузники». Когда вылет был на трехместном, кроме летчика и забрасываемого летел сопровождающий, а если У-2, отправляли летчика и парашютиста.

– А вас забрасывали?

– Нет, как комвзвода я отвечала за подготовку и сопровождала при выброске. Но два раза мне пришлось все же на своих ногах возвращаться через линию фронта – дважды наш самолет сбивали. Даже сейчас не хочется вспоминать этот ужас – страшно, когда стреляют по самолету, попадают в него, самолет падает, вы

своим не вышли. На передовой, правда, приняли хорошо, не пришлось долго доказывать, что мы свои: у нас были заранее условленные для перехода линии фронта пароли и, главное, командование нас ждало и разыскивало. А вообще сбивали наши самолеты нечасто: мы грамотно выбирали время, летали обычно ночью на бреющем полете, тогда самолет сбить очень трудно...

Несколько лет назад один из высоких чинов ФСБ сообщил, что только по линии НКВД в годы Великой Отечественной войны в тыл врага было заброшено свыше двух тысяч оперативных групп общей численностью 15 тысяч человек. 12 тысяч из них погибли. Военная разведка полных данных о своих разведчиках и диверсантах не сообщает. Известно лишь, что за первые шесть месяцев войны по линии военных разведорганов за линию фронта было заброшено не менее 10 тысяч человек. Почти никто из них не выжил. Ясно одно: ставка была сделана не на качество, а на массовость. Немцы тоже готовили агентуру как на конвейере: в 1941-1945 годах в советском тылу было выявлено 1854 вражеских агента-парашютиста. Разумеется, агентура забрасывалась не только по воздуху, но уже понятно, сколь скромнее были масштабы немецкой разведывательно-диверсионной деятельности.

Поцелуй Победы

– Потом меня вызвали в Москву, – продолжает Тамара Романовна. – В 1944 году открылся второй фронт, и пока союзники продвигались по Франции, мы готовились к командировке. Что мне предстояло? Как известно, немцы уничтожили всю нашу агентурную сеть на территории Западной Европы, и нам было поручено ее восстановить. Нашу спецгруппу отправили под видом Комиссии по репатриации советских граждан с территории Западной Европы. Я в той группе была связником: должна была находить уцелевших агентов, восстанавливать с ними связь и вербовать новых. Еще мы ездили по тюрьмам, лагерям, отыскивая наших людей, потому что американцы их от нас прятали. Всего нас было 12 человек, все работало под официальным прикрытием. А вообще, там еще никого, кроме нас, и не было – ни посла, ни военного атташе. Миссию нашу возглавлял генерал Драгун.

До Франции добирались долго и сложно. Чуть не всю осень 1944 года – ведь

везде бушевала война. Летели по маршруту Москва – Сталинград – Баку – Тегеран – Багдад – Каир. В Каире застряли надолго. Так что успели и к пирамидам экскурсию совершить, и на верблюдах покататься (смеется). Из Каира перелетели в Триполи, оттуда на Корсику. В конце концов приземлились в Марселе, оттуда на машинах в Дижон, где был штаб союзников. Переночевали в гостинице, а на другой день отправились в Париж.

Там и началась настоящая работа: и по линии разведки, и та, за которую мы отвечали официально. На мне еще был перевод с французского, а моя коллега, Лариса, переводила с английского. Ходили мы, разумеется, в советской военной форме, мы с Ларисой носили погоны лейтенанта. Работали сначала во Франции, затем в Бельгии и Голландии. Случались и погони, как в детективах! Ведь во Франции в то время работало сразу несколько разведок – английская, американская и французская. За нами, естественно, следили. Помню, первая погоня случилась, когда я одна поехала на «Ситроене», чтобы встретиться с нашим агентом и передать ему деньги. Меня на мотоцикле долго преследовал англичанин, еле-еле оторвалась и ушла от него после передачи денег. В Бельгии однажды нам с моим начальником, Федотовым, тоже пришлось уходить от погони. Оторвались с великим трудом. Хотя обычно следили за нами не столь открыто, а очень грамотно. Как мы вербовали агентов? Знакомились, делали подарки, разговаривали, приглашали в гости. Люди к нам с удовольствием покушать приходили, потому что голодновато тогда в Париже было. И это действовало. Но особенно успешны стали вербовки, когда наша армия в начале 1945 года перешла в мощное наступление. Сразу почувствовалось, как резко изменилось настроение, многие хотели участвовать в победоносной миссии. И еще была непередаваемая атмосфера морального подъема! Когда мы приехали в Париж, княгиня Волконская, к примеру, отдала свой замок для раненых и наших перемещенных лиц, среди которых тоже было немало раненых. Потом она уехала в Советский Союз, и мы ее провожали.

Но даже сейчас я не имею права рассказать, как и кого мы вербовали, такие секреты срока давности не имеют. А вообще, не только же разведкой единой... Я вот влюбилась там во Францию – необыкновенно красивая страна! И даже просто ездить по ней удовольствием было необычайным. И в Бельгии с Голландией красиво. А в Амстердаме поразил квартал красных фонарей: девушки сидели там за стеклом, как на витрине – даже во время войны!

Победу я праздновала в Париже. Объявили, что война кончилась, и весь город высыпал на улицы, такой праздник начался! Французы праздновали по-сумасшедшему, они же такие эмоциональные. Увидели меня – я в советской военной форме – подняли меня на руки. Качали! Поставили на машину и заставили речь держать. А потом такое началось... Как они меня целовали! Я не одна, конечно, там оказалась, с нашими ребятами из миссии, тоже в форме, но качали и целовали только меня, парней целовать не стали (смеется). А я такая глупая еще была. Нам ведь когда-то говорили, что все французы – сифилитики, да-да, так и говорили. Когда вернулась в миссию, вдруг об этом вспомнила – такой мороз по коже пошел! Бросилась тереть щеки мылом и мочалкой, решив, что раз меня французы обцеловали, значит непременно заразилась...

Думаю, дело было не в мифической репутации французов, а в инструктаже. Из доступных материалов о подготовке советских разведчиков тех лет видно, как им на полном серьезе внушали, что не допустимы не только интимные контакты с иностранцами, но даже поцелуи! Ибо все иностранцы либо шпионы, либо больные...

Во Франции Тамара Романовна работала еще год. Потом ушла из военной разведки на «гражданку», состоялась как лингвист. Долгие годы возглавляла Все-союзные заочные курсы иностранных языков.

1 мая 2010 года Тамаре Романовне Клименко исполнилось 90 лет.

Ни дня без

В УСПЕШНОМ ИСХОДЕ РЕШАЮЩИХ БИТВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ – СТАЛИНГРАДСКОЙ И КУРСКОЙ – НЕМАЛЫЙ ВКЛАД ШАНДОРА РАДО. ЗА ГОДЫ ВОЙНЫ ОН ПЕРЕДАЛ ИЗ ШВЕЙЦАРИИ В ЦЕНТР ПОЧТИ ШЕСТЬ ТЫСЯЧ ШИФРОГРАММ. ЗА ЧТО БЫЛ УДОСТОЕН ПОСЛЕ ПОБЕДЫ ДЕСЯТИ ЛЕТ ЛАГЕРЕЙ

■ Владимир ШЛЯХТЕРМАН

Публикация 2007 года

Я познакомился с этим легендарным человеком в Будапеште много лет назад. За годы, прошедшие с той встречи, в истории целых стран и отдельных людей многое встало на свои места. И то, о чем мы с ним говорили тогда, сегодня обретает четкие и понятные очертания, наполняется особым, вечным смыслом.

...Самолет из Будапешта прибыл в Нью-Йорк точно по расписанию. Еще на подходе к пограничному контролю Шандор увидел улыбающегося сотрудника географического конгресса, который приветственно махал рукой. Он протянул в окошко паспорт и заметил, как вытянулось лицо чиновника. Тот стал задавать вопросы, сказал, что сейчас вызовет переводчика. Шандор остановил его: я сумею объясниться по-английски. Чиновник продолжал что-то мямлить. «Тянет время», – подумал Шандор. И точно – через несколько минут у конторки пограничника появился некто в штатском и усталый на прибывшего. «Наверное, в каком-то списке значусь советским разведчиком», – ухмыльнулся про себя Шандор. Положим, какие-то личные связи остались: товарищи по прежней работе звонят, поздравляют с праздниками, днем рождения. А с разведкой кончено. Сегодня видный ученый, президент Венгерского географического общества Шандор Радо приглашен коллегами на конгресс в США и намерен выступить на нем.

Паспорт в порядке, сотрудник конгресса тепло приветствует Радо, везет в отель. В вестибюле Шандор замечает, как следом вошли двое в одинаковых шляпах, жуют жвачку. В номере принял душ, переоделся, решил прогуляться по городу. Вышел, за ним один в шляпе. Он в подземку – шляпа за ним. Шандор в универмаг, неторопливо обходит секции, смотрит на часы и направляется в туалет. Около сушилки-полотенца обращается к американцу: как лучше проехать к зданию, где будет конгресс. Тот подробно объясняет, предлагает подвезти его. «Нет, нет», – говорит Шандор, – это завтра». Оба выходят, Шандор жмет руку словоохотливому американцу. Тот уходит вниз, Шандор – на эскалатор. «Шляпа» в растерянности – за кем идти? Шандор снова в туалет, в кабинке быстро переодевает куртку подкладкой наверх, достает другие очки. Спускается на первый этаж. На улице останавливает такси. «Хвоста» не заметно.

– Вам действительно надо было с кем-то встретиться? – спрашиваю Шандора, выслушивая его рассказ.

– Нет-нет, просто решил похулиганить, – и заразительно смеется. – Вечером вернулся в отель, у стойки портье обе шляпы нервно прохаживаются. Я кивнул им: дескать, все в порядке, ребята. Один, похоже, улыбнулся в ответ.

1977 год. Мы сидим в небольшом кабинете Геодезического института на площади Святого Стефана в Будапеште. Комната до потолка завалена книгами, газетами, географическими картами. Связки журналов, скрученные в рулоны

карты на полу, на стульях. Во время нашей многочасовой беседы в кабинет заходили сотрудники – так они пройти к его столу не могли! Бумаги передавали через меня.

К стенке шкафа прищиплена таблица первенства Венгрии по футболу. На подоконнике под грудой газет замечаю шахматную доску. Он вполне прилично играет – у него первый разряд, а в Венгрии добиться его ох как непросто. Отчаянно болеет за футбол. Судя по всему, моему собеседнику очень приятно, что журналист из Москвы свободно оперирует именами венгерских футболистов, шахматистов, пятиборцев, боксеров. Он многих знает лично. В молодости играл в теннис, увлекался плаванием, горными лыжами. Кстати, и в 1977-м, 78-летний Радо посещает бассейн. Во время нашей беседы раздалось несколько звонков – из Англии, Нигерии, Германии. Шандор отвечал по-английски, по-французски, по-немецки. А всего он владел восемью европейскими языками. Русским – превосходно, говорил и писал без ошибок.

Партия против Гудериана

После Сталинграда германское командование жаждало реванша. Не надо было кончать военную академию, чтобы понять: этот реванш немцы намерены взять в районе курского выступа, где для германских войск складывалась благоприятная обстановка. При взгляде на карту было очевидно, что сильными ударами группы армий «Центр» из района Орла и группы «Юг» из района Белгорода можно «срезать» курский выступ под основание, разгромить советские войска и открыть дорогу для глубокого охвата Москвы, выхода на Донбасс.

Но и советское командование придавало Курской дуге большое значение. Отсюда можно было наносить удары по флангам и тылам обеих германских групп армий.

Еще до получения указаний из Москвы, почти сразу после Сталинграда, Радо информирует Центр о предварительных планах германского командования начать наступление в районе Курска. Этот план получил название «Цитадель». Весной 1943 года шифрограммы от Радо шли ежедневно. Резидентура сообщала все новые подробности подготовки операции. Вот некоторые шифрограммы от Доры (псевдоним Шандора Радо).

«Для удара против Курска и в составе группы армий Вейхса находятся в боеготовом состоянии мотодивизии... Среди этих наступательных резервов находятся танковые гренадерские дивизии «Адольф Гитлер», «Райх» и «Тотенкопф»... Только «Тотенкопф» находится в настоящий момент в боеготовом состоянии и может быть переброшена».

«Сообщаю данные о сильных и слабых сторонах нового немецкого танка Б-1 («Тигр»): максимальная скорость на твердом грунте 36 км/час; толщина брони от 88 до 100 мм... Недостаточная подвижность и маневренность делает «Тигр» весьма уязвимым при атаках с воздуха».

«Заводы «Штайрверкс» в Штирии в феврале-марте (1943 года) выпустили 85 танков, среди них новые типа «Тигр». Германская промышленность, включая

Австрию и Чехословакию, выпустила 720 танков (месячный план – 900 танков). Немецкая авиационная промышленность выпускает 1600 самолетов в месяц».

«Гудериан настаивает, чтобы все танковые дивизии на советско-германском фронте как можно быстрее получили на вооружение хотя бы по несколько штук танков типа «Тигр», чтобы убедить солдат и офицеров в том, что в германской армии есть боевые машины, которые могут противостоять русским тяжелым танкам».

Полученные секретные данные заставили Государственный комитет обороны принять неотложные меры. Создавались и испытывались противотанковые пушки и снаряды, способные поражать «Тигры» и «Пантеры». Летчики-штурмовики учились уничтожать это «зверье» с воздуха. Командование Центрального и Воронежского фронтов на опасных направлениях сосредоточило специальные подразделения для борьбы с танками.

Вспоминаю, как ночью 5 июля нашу роту подняли по тревоге: выступаем! Наш гвардейский танковый корпус (три танковых бригады, мотострелковая бригада, в которую входила и моя отдельная рота автоматчиков) занимал вторую линию и по приказу командующего фронтом выдвигался на передовую. Нас и до этого несколько раз поднимали по тревоге, но вскоре давали отбой: немцы наступление откладывали.

– Так это по вашей вине происходило... – бросил я шуточный упрек Шандору.

– Все претензии к Гитлеру, – парировал Радо. – Это он отменял свои распоряжения о дате наступления. Что-то его не устраивало в подготовке. А я лишь узнавал и молнировал об этом.

Я, гвардии рядовой солдат-автоматчик, естественно, ничего не знал ни о Доре и его шифровках, ни о планах германского и советского командований. Быстро вырыл окоп и на рассвете летнего дня всматривался в дальние холмы, откуда

должны были появиться немцы. И они появились – танки, казавшиеся спичечными коробками. Казалось, они далеко-далеко. Но не прошло и четверти часа, как они очутились близко от нас, и вот уже в нашем расположении стали рваться снаряды. Где-то громко звали санитаров.

Ударили наши пушки, прятавшиеся впереди и позади наших окопов. Задымил один танк, второй, еще один остановился, две машины повернули. Из деревни, что была в двух километрах, появились наши боевые машины. У нас была задача отрезать пехоту, идущую за танками противника. Честно признаюсь: пехотинцев я не видел (то ли они искусно прятались, то ли отстали), но исправно стрелял из автомата одиночными. Вскоре все затянуло дымом от горящих машин и разрывов снарядов. Сильно громынуло: взорвали минное поле по обе стороны полевой дороги. Над головами пронеслись самолеты, очевидно, штурмовики. Не знаю, что видели летчики в дыму, но разрывы авиабомб были слышны. Или так казалось?

Крах «Цитадели»

Шандор с интересом слушает мой рассказ. Я попросил карту, чтобы показать, где мы отступали, где наступали. Он остановил меня: я и так представляю. Как при игре вслепую, когда соперники не глядят на шахматную доску. Конечно, Радо был картографом, к тому же передавшим сотни радиogramм, в которых перечислялись населенные пункты той территории. Я назвал Ахтырку: недалеко от Ахтырки 23 августа 1943 года (это был последний день Курской битвы) меня ранило. Госпитали, операции, инвалидность.

– Стало быть, вместе крушили «Цитадель», – заметил Радо.

Я тут же запротестовал: мол, вклад не одинаков.

Шандор перебил меня:

Отто Пюнтер (агент Пакбо) и его жена Изабелла. Отто с 1930 года был сотрудником советской военной разведки в Швейцарии и одним из главных информаторов Радо, сообщавшим о военных планах Германии и Италии

шифровки

– Сражения выигрывают не шпионы, а солдаты и генералы на поле боя. Мы, разведчики, только облегчаем командованию проведение кампаний. Вот о нас написали французские журналисты: война была выиграна в Швейцарии. Хотя и звучит лестно, но это смехотворное утверждение. Мы помогали, бывало, что даже очень, но все равно – успех приносила армия.

Разумеется, германское командование анализировало причины своих неудач на Курской дуге. Для немецкой контрразведки было ясно, что советский Генштаб обладал точными данными о расположении и силе групп армий «Центр» и «Юг», об их планах и действиях. В руки советского командования попал стенографический отчет о совещании в ставке Гитлера. Оно состоялось 25 июля 1943 года, обсуждался ход операции «Цитадель». К тому времени уже было ясно, что немецкий план провалился. Гитлер обращался к заместителю начальника оперативного руководства вооруженными силами Германии генерал-лейтенанту Вальтеру Варлимонту: «Кстати, вы читали доклад Сталина, этот вчерашний приказ, где он точно называет количество мотопехотных дивизий, танковых и пехотных дивизий? Я полагаю, что это дословно точно».

10 лет за заслуги

– Сегодня можно сказать, сколько человек работало в вашей группе?

– Можно, это уже не тайна. Около восьмидесяти.

– Ого. Я не специалист по разведкам, но, полагаю, это многовато для одной группы.

– Чудовищно много. В Швейцарии действовало несколько групп. У каждой были свои информаторы в других странах. Так получилось, что по разным причинам эти группы передали мне. Пришлось вводить прямо-таки драконовские меры конспирации. Меня, например,

знали всего несколько человек. Я тоже многих никогда не видел. Центр очень заботился о том, чтобы не было провалов. Мы тщательно подбирали радистов, при малейшей опасности сворачивали их работу. И я, и в Центре отлично понимали, что германская контрразведка не может не обратить внимания на резко увеличивающийся объем радиоинформации между Москвой и Швейцарией. И хотя последняя формально оставалась нейтральной страной, для нас не было тайной, что секретные службы Германии и Швейцарии тесно сотрудничали.

– Оставалась и возможность оккупации Швейцарии...

– Вот-вот. А у меня в группе были немецкие антифашисты. Москва, опасаясь за их жизни, настоятельно рекомендовала им перебраться в другие страны. Так я лишился нескольких ценных сотрудников.

– Кроме немцев, кто еще входил в группу?

– Англичане, французы, итальянцы, швейцарцы, поляки, венгры, югославы. Пожалуй, всех и не назову.

– Были ли русские?

– Из Союза не было никого. Приезжали курьеры из Москвы, отличные парни. Добираться до нас еще до войны было непросто, а уж во время войны и вовсе...

Резидентуру в Швейцарии Шандору передал Леонид Анулов, кадровый разведчик с 1919 года, работавший в Китае, во Франции, Испании. В Швейцарии он создал небольшую, но хорошо работающую группу, которая перешла в 1938 году к Радо и стала основой для резидентуры Доры. Анулов был отозван в Москву. В некоторых исследованиях указано, что он (между прочим, его настоящая фамилия Московичи) был арестован НКВД и расстрелян. Его действительно арестовали в 1938 году, но дали 15 лет, он полностью их отсидел, в 1955 году был реабилитирован, умер почти через 20 лет и похоронен на Новодевичьем кладбище

в Москве. Награжден орденами Ленина и Красного Знамени.

– Только ли коммунисты входили в вашу группу? – спросил я Радо.

– Были, разумеется, члены компартий разных стран, кстати, как правило, с разрешения своих ЦК. Были и социалисты, либералы, католики, беспартийные. Но, – Радо поднял палец вверх, – все антифашисты. Это было главное, что объединяло нас всех в борьбе. Хотя мы и делали все возможное, чтобы эти люди ничего не знали друг о друге. Некоторые псевдонимы были раскрыты лишь после войны, а кое о ком я не знаю и сейчас.

– Наверное, если бы сразу после Победы этим занялись... Ведь люди гордились тем, что они...

Я осекся, потому что Шандор внимательно посмотрел на меня и ухмыльнулся. Только в Москве, да и то не сразу, я узнал, какой ляп тогда допустил. Ведь о послевоенной жизни самого Радо я только то и знал, что он советник министра сельского хозяйства, главный редактор географического журнала, президент Географического общества, доктор наук, профессор тамошнего университета. И я ничего не слышал о том, что в 1946 году Особое совещание при Министре государственной безопасности СССР осудило Шандора Радо на 10 лет за... предательство и шпионаж! Без малого 8 лет провел Шандор в лагерях. В ноябре 1954 года был освобожден и тотчас выехал в Будапешт. И только почти через два года Военная коллегия Верховного суда СССР определила: постановление Особого совещания отменить, уголовное дело на Шандора Радо за отсутствием состава преступления закрыть.

В дни Венгерского восстания 1956 года дом Радо окружила группа боевиков: в списке коммунистов, подлежащих уничтожению, значился и ничего не подозревающий об этом Шандор. Не избежать бы ему расправы, да кто-то из повстанцев вспомнил: Радо только что отсидел почти десять лет в лагерях НКВД. И вооруженные боевики отпустили по другому адресу. Воистину: не было бы счастья, да несчастье помогло.

Много позже нашей встречи, когда Шандора Радо уже не было в живых, мне довелось познакомиться с еще одним нашим выдающимся разведчиком – Анатолием Марковичем Гуревичем, псевдоним которого был Кент. Радо в своей книге довольно подробно рассказывает, как Кент в 1940 году по заданию Центра приезжал к нему в Швейцарию и толково объяснял, как пользоваться новым шифром, программой прямой радиосвязи с Центром. Правда, Радо пишет и о том, что Кент ему не понравился и что провал Кента нанес тяжелый удар по швейцарской группе: дескать, на допросах в гестапо он «раскололся». Между тем, из архивов гестапо стало известно, что Кент ничего не рассказывал о Радо, не назвал ни его адреса, ни места встречи, ни нового шифра.

Но жизнь и борьба Кента – другая история, и о ней читатели «Совершенно секретно» тоже узнают.

Наши информаторы – скромные люди. В книге «Под псевдонимом Дора» Радо рассказывал о многих своих соратниках и помощниках, назвал не только клички,

но и их подлинные имена, чем они занимались после окончания войны. И хотя мемуары писались спустя три десятилетия после Победы, о судьбе кое-кого не было известно или нельзя было сообщить. И я тогда, в мае 1977 года, попросил Радо рассказать – разумеется, в рамках возможного – о его информаторах. Он ответил:

– О некоторых сказано в книге, о ком-то стало известно лишь недавно, какие-то детали по сию пору неизвестны. Кто-то изменил свои убеждения, есть, к сожалению, и случаи предательства. Но подавляющее большинство остались убежденными антифашистами, хотя и оставили разведывательную работу.

– Судя по вашим мемуарам, самая загадочная фигура в группе – Рудольф Рёсслер. Вы ему дали псевдоним Люци. Очевидно, потому что он жил в Люцерне.

– Все так. Его порекомендовала мне Рашель Дюбендорфер, псевдоним Сиси. Она руководила самостоятельной группой, которая по распоряжению Центра влилась в мою резидентуру. Я очень уважал эту отважную женщину и принимал ее предложения и рекомендации. Тогда мы не знали, что Рёсслер работал на швейцарскую разведку и через нее был связан с американской и английской спецслужбами.

– Источники Люци передали нам исключительно важную информацию, которую мы тотчас переправили в Москву, – продолжал Радо. – При этом я сообщил, что Люци ни за что не раскроет имена информаторов и готов сотрудничать с нами на условии полной анонимности своих источников. Это, разумеется, насторожило Центр – не провокация ли гестапо? Мне поручили дать Люци несколько заданий. Их результаты, как я понял, Центр мог проверить по другим каналам. Это было сделано, Центр дал согласие на сотрудничество с Рёсслером, но еще раз предупредил о бдительности. Не поверите, но я ни разу не встречался с Люци! Вся информация шла через курьеров.

Рудольфу Рёсслеру было 45 лет, когда в конце 1942 года он начал сотрудничать с советской разведкой. Отец – немец, мать – англичанка, получил блестящее образование в Берлине. Во время Первой мировой войны служил в германской армии. В двадцатые годы – журналист, сотрудничал со многими литературными и театральными изданиями. Завел обширные связи в военных кругах, в германском МИДе, среди чиновников высокого ранга в других ведомствах. Человек демократических взглядов, он отрицательно отнесся к приходу к власти Гитлера в 1933 году и на следующий год эмигрировал в Швейцарию, где продолжал литературную деятельность и даже держал книжную лавку. Высокопоставленные берлинские друзья, тоже ненавидевшие фашизм, снабжали его секретной информацией.

Знаток разведки Аллен Даллес, с 1942 года возглавлявший разведывательный центр американского Бюро стратегических служб в Берне, писал: «Советские люди использовали тогда фантастический источник, находящийся в Швейцарии, по имени Рудольф Рёсслер, который имел кличку Люци. С помощью источников, которые до сих пор не удалось вскрыть, Рёсслеру удавалось получать в Швейцарии сведения, которыми располагало высшее немецкое командование в Берлине, с непрерывной регулярностью, часто менее чем через 24 часа после того, как принимались ежедневные решения по вопросам Восточного фронта...»

– После указания Центра, – рассказывал Радо, – я оставил попытки узнать подлинные имена берлинских источников Рёсслера. Единственно, что удалось установить, так это то, что они работали в Генштабе, ВВС, МИДе, в различных высших штабах, занимали высокие посты, был даже один генерал, Георг Томас. Он работал в Берлине начальником управления военной экономики и вооружения. Своими сведениями генерал делился с Люци. Правда, не безвозмездно, но любые затраченные средства многократно окупались. В июле 1944 года было совершено покушение на Гитлера; Томас, видимо, участвовал в заговоре. Во всяком случае, так считало гестапо, ▶

Эдмонд и Ольга Хамели много лет были радистами Радо.

Вверху: лишь малая часть радиogramм, переданных от Доры. Некоторые из них были так ценны, что докладывались непосредственно Верховному главнокомандующему

► генерала схватили и по приговору военного суда расстреляли. По-видимому, его связи с Рёсслером, а стало быть, и с советской разведкой, не были раскрыты.

Рудольф Рёсслер умер в 1958 году, через три недели после своего 61-летия. Похоронен в Швейцарии, в небольшом городке Криенсе близ Люцерна. Если кто-то из наших читателей вдруг окажется в этом местечке, загляните на местное кладбище, поклонитесь его праху. Рудольф много хорошего сделал для нашей страны. Особенно благодарны ему должны быть те, кто уцелел в Сталинградском сражении, на Курской дуге, в боях за Днепр. Это часто от него наше командование узнавало о планах немцев и принимало меры, чтобы уменьшить наши потери.

Радо рассказал мне и о таком канале:

– Из узла связи Верховного командования вермахта ежедневно на театры военных действий уходило по несколько тысяч распоряжений. Сообщения эти не шифровались, а просто набивались на бумажные ленты и передавались по линиям связи. После этого ленты уничтожались. Однажды дежурный офицер Берндт Руланд заметил, что две девушки-телеграфистки не уничтожают ленты, как было положено, а прячут. Он вызвал телеграфисток, поговорил с ними, но... никаких мер не принял.

– После войны, – продолжал Радо, – Руланд стал журналистом, написал книгу «Гроза Москвы», в которой рассказал об этих девушках. Книга вышла в Цюрихе, а спустя некоторое время, разбирая почту, я наткнулся на конверт, отправленный, судя по штемпелю, из Будапешта. Вскрыл, в нем вырезка из немецкой газеты: группа людей выражает соболезнование родным и близким Берндта Руланда, погибшего в автомобильной катастрофе. Друзья расценили это послание как предупреждение: тоже, дескать, много знаешь. Но я хожу пешком, – улыбнулся Шандор.

За спиной Москвы

Резидентура Радо не пропускала мимо внимания и дипломатические интриги. И не только немцев, но и союзников.

Весной 1943 года неожиданно «за-немог» Президент Финляндии Карл Маннергейм. На «лечение» он прибыл в Швейцарию. На самом деле – для тайных переговоров с американцами. После Сталинграда и Курска сателлиты Германии поняли: поражение Гитлера – лишь вопрос времени. Италия, Румыния, Венгрия несли существенные потери на Восточном фронте, их экономика была подорвана. Дора радировал в Москву, что полумиллионная румынская армия потеряла на советско-германском фронте 300 тысяч человек. Неудивительно, что и диктатор Румынии Антонеску засобирались в Швейцарию.

А пробный шар запустили венгры. В Швейцарии они вышли на французского разведчика Лонга (этот псевдоним ему дал Радо, с которым тот сотрудничал). Венгры просили Комитет генерала де Голля, обосновавшегося в Лондоне, быть посредником между Венгрией и СССР. Советское руководство было против сепаратных переговоров. Но сообщение Лонга отправили в Москву. Через несколько дней на столе директора лежала радиограмма о том, что глава венгерского режима Хорти тоже собираются в Швейцарию с секретной миссией для встречи с англичанами. Союзники об этих маневрах Москву не информировали.

Рудольф Рёсслер — легендарный агент Люци. До сих пор неизвестны его ценнейшие источники в Германии. Неизвестен и способ, которым секретные сведения передавались из Берлина. За несколько дней до капитуляции армии Паулюса под Сталинградом Центр передавал Радо: «Выразите Люци нашу благодарность за хорошую работу»

Нью-йоркский кардинал приезжал в Ватикан, где встречался не только с Папой, но и с германскими представителями высокого ранга. Еще не было Тегеранской конференции, а американский посланник и понтифик обсуждали проблемы послевоенного мира. И об этом Москва тоже узнавала от советской разведки.

Даже в самые напряженные дни подготовки к операции «Цитадель» источники Радо находили возможность информировать Центр о внешнеполитических маневрах как немцев, так и союзников. Дора сообщал в Москву:

«Фашистская партия и руководство армией собираются продолжать борьбу даже без надежды на успех. Они надеются на то, что при изменении обстановки, например, смерти Рузвельта или Черчилля для Германии наступит более благоприятная обстановка... Руководящие круги в Германии надеются, что в связи с выборами президента в 1944 году в США там наступит перелом в пользу Германии...»

Коварный Ганс и влюбчивая Гретель

Роза – таков был псевдоним 23-летней итальянки Маргариты Болли, одной из радисток Доры. На беду Маргарита влюбилась в немца, давно жившего в Швейцарии, Ганса Петерса. «По-видимому, – пишет Радо, – он был искусным соблазнителем и приложил много стараний, чтобы увлечь девушку». Ведь по условиям конспирации ей следовало быть крайне разборчивой в знакомствах. Но тут – обаятельный, внимательный мужчина. К тому же под большим секретом Ганс намекал: он антифашист, член подпольной группы Сопротивления. На самом деле Петерс состоял на негласной службе в гестапо и имел задание внедриться в советскую разведгруппу.

Молодые люди сблизились, Ганс стал бывать на квартире Маргариты. При нем она, конечно, на радиосвязь не выходила. Но в ее отсутствие Гансу ничего не стоило обшарить квартиру в поисках передатчика. И он, видимо, обнаружил его.

Роза слишком поздно поняла, что за ней следят, и рассказала об этом Шандору. Тот немедленно распорядился прекратить сеансы, передатчик спрятать, а Маргарите переехать к родителям в Базель. Первые два указания были выполнены в точности. А затем... Маргарита заперла свою квартиру и переехала к Гансу! Он убедил ее, что у него ей будет безопаснее. Об этом девушке даже не поставила Шандора в известность.

Тем временем германская контрразведка уже давно была обеспокоена размахом разведсообщений из Швейцарии. Но действовать открыто в нейтральной стране ей было опасно. Служба безопасности Третьего рейха по указанию Гиммлера потребовала от швейцарской полиции принять меры к прекращению деятельности «Красной тройки».

– Такв гестапо именовали нашу группу, – пояснял Радо. – Они имели в виду два радиопередатчика в Женеве и передатчик в Лозанне.

Первый «женевский» передатчик принадлежал Розе, второй – супругам Эдмунду и Ольге Хамель. На «лозаннском» передатчике работал Александр Аллен Фут.

Швейцарии откровенно пригрозили: германские дивизии обложат страну со всех сторон, и швейцарская полиция была вынуждена начать охоту на советских разведчиков.

С радиоквартирой Розы было просто – ее местоположение было уже известно. На пеленгацию второго передатчика потребовалось две недели. 13 октября 1943 года в полночь радистка Мaud Хамель поймала позывные Центра и начала передавать очередное сообщение. Полицейские ворвались в комнату, когда она держала палец на ключе. Но сигнала о провале Мaud передать не успела. На століке лежали шифровальная книга, тексты отправленных радиограмм, программа связи...

Примерно по такой же схеме 20 ноября был схвачен Александр Фут. (Его потом судил швейцарский суд, он отсидел меньше года. Перебрался в Москву, где прошел переподготовку в разведшколе, но после этого неожиданно перешел в английский сектор Западного Берлина и стал сотрудничать с англичанами.) Заполучив шифры «Красной тройки», немецкие контрразведчики скоро прочли радиограммы, отправленные из Швейцарии. И когда на столы руководителей абвера легли сотни страниц расшифрованных донесений, те пришли в ужас. В советском Генштабе читали не только секретные директивы высших германских штабов, но и закрытые документы из ставки Гитлера!

Шандор обнаружил, что за ним следят. Центр запросил его: может ли он укрыться на два-три месяца? Обманув дежуривших у дома полицейских, Радо перебрался на другую квартиру. Его жена Елена легла в клинику, сыновей переправили к бабушке в горы.

Находясь в подполье, без помощников, без связи с источниками (а они почти все сохранились), без связи с Центром, Шандор понимал бесполезность своего пребыва-

ния в Швейцарии. Надо было перебираться в другую страну. Единственной подходящей была Франция: союзники уже открыли там Второй фронт, а Париж был освобожден партизанами. Шел сентябрь 1944 года.

Москва умеет наградить

Логично предположить, что столь ценного работника Центр не мог оставить без работы и послевоенное время он провел в другом месте и под другим псевдонимом. Вовсе нет. В конце октября 1944 года Шандор и Елена добрались до Парижа, где Радо явился к советскому военному атташе. Последний донес в Центр: «второй друг» по кличке Дора прибыл из Женевы и ждет указаний. («Первый друг», Золя – тоже наш разведчик, работавший во Франции. – **В. Ш.**) Москва сообщила: в Париж прибудет подполковник Новиков, который продолжит работу с «друзьями». По прибытии Новиков общался с Радо весьма холодно. Предложил написать отчет и вылететь в Москву. Опытный разведчик, Шандор понял: ему не доверяют. Однако подчинился и по подложным документам на советском самолете вылетел в СССР.

Еще шла война, потому самолет должен был лететь круглым путем: через Италию, Египет и Иран. В Каире Шандор уже не сомневался, что он находится под подозрением. Под предлогом посещения стоматолога Шандор вышел из гостиницы, но вместо зубокабинета кабинета отправился в английское посольство, чтобы просить там покровительства. В ситуацию вмешалось советское посольство; англичане передали Радо египтянам – а те отправили его в лагерь для интернированных иностранцев. Шандор попытался покончить с собой.

Тем временем египетский МИД получил ноту о том, что советский гражданин И. Кулишер (таким было новое имя Радо) совершил уголовное преступление, и его требуется выдать СССР. Шандора доставили в Москву. Последовал арест, Особое совещание при Министерстве госбезопасности, лагерь...

Радо был не единственным разведчиком, оказавшимся после войны в советских застенках. То же случилось, например, с Рашель Дюбендорфер (Хепнер), работавшей в резидентуре Шандора под псевдонимом Сиси. Весной 1944 года она и ее муж Пауль Бетхер были арестованы швейцарской полицией. Во время следствия Рашель, дабы не подставлять Москву, сказала, что работала на англичан. Этого, видимо, оказалось достаточно, чтобы уже советские органы обвинили ее и Пауля в шпионаже. В 1946 году супругов приговорили к 10 годам лишения свободы. Они вышли на свободу в 1956-м с решением о прекращении дела за отсутствием состава преступления, а затем были полностью реабилитированы. Рашель наградили орденом Красного Знамени, Пауля – орденом Отечественной войны 1-й степени.

...В тот день, когда в 1970-х годах мы встретились с Радо в Будапеште, он собирался зайти на местное кладбище. Он делал это каждый день по пути на работу. Знакомыми дорожками шел к могильной плите, на которой значилось: Елена Радо, урожденная Янсен, 1901-1958. Ставил свежие цветы и молча стоял несколько минут. Наверное, вспоминал, как познакомились, как поженились в 1923 году, прожили вместе тридцать пять лет. За эти три с половиной десятилетия было сколько разлук: Елена работала то в Москве, то в Берлине, то Париже. Несколько раз попадала под арест в разных государствах. Не раз смотрела смерти в глаза. Когда Шандора арестовали в Москве, она хотела приехать в СССР. Ее «успокоили»: не стоит, он скоро вернется. Это «скоро» тянулось восемь лет. Елена жила тогда в Париже, ее лишили венгерского гражданства, французы уволили с работы. И после того как Радо вернулся из советского лагеря в Будапешт, ей еще полгода не разрешали приехать в Венгрию.

Шандор Радо умер в сентябре 1981 года и похоронен рядом со своей Лени.

Будапешт-Москва

ФОТО ИЗ АРХИВА АВТОРА

Когда на столы руководителей абвера легли сотни страниц расшифрованных донесений, те пришли в ужас. В советском Генштабе читали не только секретные директивы высших германских штабов, но и закрытые документы из ставки Гитлера!

Похождения и превращения Дмитрия Быстролетова

УДИВИТЕЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ
ВЫДАЮЩЕГОСЯ
НЕЛЕГАЛА СОВЕТСКОЙ
РАЗВЕДКИ

Дмитрий Быстролетов с матерью, 1913 год; во время службы на море; фотография с паспорта сэра Роберта Гренвелла; автопортрет 1926 года

■ Владимир АБАРИНОВ

Публикация 2010 года

В святцы советской разведки особым шрифтом вписаны имена «великих нелегалов» 1930-х годов, а среди них веселым блеском сияет имя Дмитрия Быстролетова. Этому много способствовал он сам. Человек больной и сардонический, он оказался на склоне лет в забвении и взялся за перо. Перо его было легким, даже легкомысленным, но спроса его бойкие записки не находили. Он дошел до того, что сочинял интервью с самим собой.

Я поспешно вынул перо и блокнот.
— Скажите, пожалуйста, что вы могли бы рассказать нашим читателям? Например, как становятся разведчиком, как живут в зарубежном подполье. Ну и, конечно, хотелось бы выслушать несколько примеров вашей собственной работы.

Дмитрий Александрович задумывается.
— Меня о вашем приходе предупредили. Все согласовано. Но я могу говорить лишь при одном обязательном условии. Немецкие и итальянские фашисты в ходе последней войны уничтожены. Но империализм как международная система жив, и его выкорыши опять ведут против нашей Родины ожесточенную тайную и явную борьбу. Поэтому в своем рассказе я должен соблюдать осторожность — расскажу о существовании нескольких операций, но не называя ни имен, ни дат. Так будет спокойнее...

В нем не было ничего от «бойца невидимого фронта» — ни коммунистической идеологии, ни тяжеловесного сознания долга. Молодой, легкий, куртуазный, изысканно одетый и обворожительно красивый, он напоминает персонаж венской оперетты. Он мог быть шпионом любой европейской страны. Но судьба определила ему работать на НКВД.

Маясь безвестностью и сознанием напрасно прожитой жизни, он пошел однажды заказывать костюм в ателье Министерства обороны, к которому был прикреплен, хотя никогда не служил в Красной Армии и не имел воинского звания. Разговорившись со словоохотливым портным, он узнал, что зять портного пописывает юмористические рассказы и фельетоны в газетах. Быстролетов дал свой телефон и попросил зятя при случае позвонить.

Юмориста этого зовут Эмиль Дрейцер. Теперь он профессор русской словесности в нью-йоркском Хантер-колледже. В США только что вышла в свет его кни-

га о Быстролетове, название которой — *Stalin's Romeo Spy* — мы общими усилиями перевели как «Сталинский шпион-любовник» по аналогии с классическим театральным амплуа «герой-любовник». Мы познакомились на презентации книги в Библиотеке Конгресса, а потом долго говорили по телефону.

Первая и последняя встреча Эмиля с Быстролетовым состоялась 11 сентября 1973 года в тесной квартирке на проспекте Вернадского.

— Это была несколько странная для меня встреча. Я публиковался в качестве внештатника в центральной прессе, но подвизался совершенно не в том жанре, в каком мог быть заинтересован Быстролетов. Когда тесть мне сказал, что один из его заказчиков хочет со мной встретиться, я удивился, но не очень: фельетонистам довольно часто знакомые предлагали какие-нибудь случаи из жизни. Когда я к нему пришел, он сказал, что хочет попробовать с моей помощью написать роман о своей жизни. И стал рассказывать. Я был поражен — я никогда не думал, что могу писать что-то другое, кроме юмора. А он к тому времени был куда более опытным литератором, чем я: у него уже было написано два романа, киносценарии. Думаю, что в тот момент он просто отчаялся, разуверился в том, что когда-нибудь правда о его жизни увидит свет.

Я не знал, что с этим материалом делать. Я пришел домой, записал его рассказ, причем, поскольку время было тревожное — это был год, когда выслали Солженицына, — его имя я записал на всякий случай карандашом, а все остальное чернилами. Было ясно, что опубликовать это невозможно. Я до конца не понимал, почему он меня выбрал. Потом, когда я встречался с его родственниками, они рассказали, что он в тот период встречался еще с несколькими журналистами. То есть он, по-видимому, искал способ каким-то образом запечатлеть свою жизнь. Я думаю, что он был, в сущности, очень наивным человеком. Он не понимал, как понимал любой практикующий журналист того времени, что можно, а чего нельзя писать, у него не было чувства самоцензуры. Я, например, читал его сценарий, написанный в 1964–65 годах, и поражался: неужели он не понимал, что это нельзя поставить в советском кино или на советской сцене?

— Как булгаковский Мастер: «Кто вас надумил написать роман на такую странную тему?»

— Именно! Он действительно не понимал, прямо как ребенок, — послал рукопись в КГБ, оттуда ему ее, естественно, вернули.

Блокнот свой Эмиль Дрейцер сохранил. Много лет спустя, уже за океаном, он понял, что судьба свела его с удивительной личностью. И стал собирать материалы о Быстролетове.

Появление

Путь Быстролетова в разведку был тернист и извилист. Авторы популярных очерков о нем обычно принимают на веру его собственные автобиографические заметки. Даже в официальной биографии, опубликованной на сайте СВР, сказано, что он был внебрачным сыном графа Александра Николаевича Толстого, чиновника Министерства государственных имуществ. Но подтверждений этой версии не существует. Дмитрий Быстролетов родился в 1901 году близ Севастополя, в крымском имении известного в начале прошлого века издателя и книготорговца Сергея Аполлоновича Скирмунта. Мать его Клавдия Дмитриевна была одной из первых в России феминисток и суфражисток, членом «Общества охранения здоровья женщин», носила брюки и в качестве вызова тогдашним приличиям решила родить ребенка вне брака. Вот версия Эмиля Дрейцера:

— Мать его просто уговорила одного из отдыхающих в Крыму стать отцом, потому что она была суфражистка и хотела доказать, что ей плевать на так называемое порядочное общество.

Так появился на свет Дмитрий Быстролетов, никогда не знавший своего биологического отца. Передовые взгляды матери доставили ему немало страданий. Родительницу свою он видел редко. Трех лет от роду его отправили в Петербург, в семью вдовы застрелившегося из-за карточного долга гвардейского офицера, у которой были две дочери. Митя ни в чем не нуждался, но страшно тосковал. «Годы пребывания в Петербурге, — писал он впоследствии, — мне теперь рисуются как розовая, сладкая тянучка, которая досадно вязнет к зубам, а свидания с Осой вспоминаются как свист бича». Оса — прозвище матери.

В 1917-м Быстролетов закончил Севастопольский морской кадетский корпус и попал на мировую войну, был участником операции Черноморского флота против Турции. В 1918-м после окончания мореходного училища и гимназии в Анапе по-

ступил вольноопределяющимся, то есть добровольцем на льготных основаниях, в состав Морских сил Добровольческой армии. В 1919-м дезертировал, бежал в Турцию, работал матросом, узнал, что такое физический труд, голод и холод.

Из книг Быстролетова «Пир бессмертных». Видел немецкую подводную лодку и турецкий эсминец, слышал свист снарядов, направленных «в меня». Привык к бессонным ночам, к тасканию мешков на спине, к матерщине и пьянству, к реву волн, к проституткам. Был удивлен, какой нелепицей представляется интеллигентское существование и все эти Толстые и Достоевские, если взглянуть на них с позиций рабочей жизни.

Наконец Дмитрий Быстролетов оказался в Праге — одном из центров русской эмиграции — без средств к существованию и с туманными перспективами. Там он и был завербован сотрудником Иностранного отдела ОГПУ. На сотрудничество с советскими органами пошли тогда многие в прошлом непримиримые враги советской власти — от безденежья, от отчаяния, из патриотизма (на этой струне особенно искусно играли вербовщики).

Впрочем, сам Быстролетов в разговоре с Дрейцером утверждал, что завербовали его еще в России, а в Праге «расконсервировали»:

— Он мне сказал, что его завербовали во время Гражданской войны, когда он вместе со своим другом перегнал греческое судно в Евпаторию, где тогда уже были красные и была ЧК. К нему обратился представитель ЧК и сказал, что вот, если ты хочешь помочь родине, то отправляйся с потоком беженцев на Запад, мы тебе со временем дадим о себе знать. И он мне тогда, помню, сказал: «Ну что я там понимал, что я знал, я был молодой человек... Кто же может сказать «нет», когда предлагают быть полезным родине». А потом в Чехословакии он стал секретарем местного «Союза студентов — граждан СССР». Он участвовал в деятельности Союза очень активно. В пражском архиве я видел газеты 1924–25 года, где не раз упоминается его имя. Они противопоставляли себя белоэмигрантам. Например, он и его друзья, когда умер Ленин, выставили почетный караул. И вот как раз тогда советская торговая миссия в Праге его заметила и приютила, дала работу, потому что его хотели выслать из страны.

Эмиль Дрейцер убежден, что в соглашения Быстролетова работать на советскую

▶ разведку значительную роль сыграла его детская психологическая травма, комплекс заброшенности и ненужности, который он пронес через все детство.

– Что из себя представлял Быстролетов как личность? В чем состояли его убеждения? Почему он пошел в разведку?

– Корни всего того, что с ним произошло, были личные, глубоко личные. В силу обстоятельств своего рождения, этих странных отношений с матерью, он был с младых ногтей ущемленной личностью. Он ощущал свою неполноценность. Когда он оказался за пределами России, то почувствовал внутреннюю необходимость быть вместе с матерью-родиной, без этого он не ощущал себя нормальным человеком. Вот почему его было легко завербовать. Кроме того, он был совершенно нищ. Он пишет прямо, что когда его, наконец, приютило советское торгпредство, он первый раз за многие годы досыта наелся. Он был нищ и готов сделать все, что угодно, потому что ему обещали, что его вернут в Советский Союз, но это надо заслужить, для этого надо что-то сделать.

– То есть, с одной стороны, это неприкаянность, а с другой – самоутверждение и, видимо, романтика шпионажа.

– Да, конечно. Он верил в идеалы революции, потому что он действительно влачил жуткое, нищенское существование... И он, конечно, не знал настоящего лица революции.

Быстролетов получил скромную должность какого-то письмоводителя и поначалу ничем существенным не занимался. Но весной 1927 года советская агентурная сеть в Европе потерпела серию сокрушительных провалов. В руководстве Иностранного отдела ОГПУ прошла первая чистка. Центр тяжести было решено перенести на нелегальную разведку. Именно вследствие этой директивы Дмитрий Быстролетов был переведен на нелегальное положение.

– Он хотел вернуться в 1930 году. Он уже все понял, ему все это надоело. И тут произошел колоссальный провал советской шпионской сети не только в Европе, но, если не ошибаюсь, и в Китае, и в Японии. Вот тогда срочно потребовался новый призыв, и ему предложили остаться на пару лет, но уже в качестве нелегала. В этом занятии был большой элемент риска, и он недаром цитирует пушкинский «Пир во время чумы»: «Все, все, что гибелью грозит, для сердца смертного таит неизъяснимы наслаждения...» Его привлекало это ощущение. Но он не думал, что это затянется на долгие годы, что, когда он захочет вернуться, ему скажут: стране нужно, чтобы сделал еще это и это, пятое-десятое...

Соблазнения

По многим своим качествам Быстролетов идеально подходил для работы в нелегальной разведке. У него был врожденный артистизм, он свободно изъяснялся на нескольких языках (сам он утверждал, что на 20), сумел получить хорошее и разностороннее образование.

Наконец, у него было еще одно качество, о котором целомудренные авторы его казенных жизнеописаний говорить стесняются. Быстролетов был обворожительно красив и умел пользоваться своим мужским шармом. Эмиль Дрейцер рассказывает:

– Сначала он занимался тем, чем обычно занимается разведка: читал газеты в поисках информации, которая могла пригодиться. А потом его первый раз привлекли... Он мне сказал прямо, когда мы с ним встречались: «Я, – говорит, – был молод, хорош собой и знал, как обращаться с женщинами».

В арсенале разведки это оружие занимает далеко не последнее место. Однажды я уже рассказывал на страницах «Совершенно секретно» о том, как гражданская жена руководителя советской агентурной сети в США Якова Голоса Элизабет Бентли после смерти мужа впала в депрессию, и резидент просил Центр прислать ей нового мужа, но Центр замешкался, и Бентли выдала властям всю сеть. Другой пример – дочь американского посла в Берлине Марта Додд, завербованная сотрудником советской разведки Борисом Виноградовым, в которого она страстно влюбилась. Можно вспомнить и донжуанские похождения англичанина Джона Саймондса, который в начале 1970-х годов сам предложил свои услуги КГБ в качестве шпиона-любовника. В своей автобиографической книге Саймондс с упоением вспоминает уроки профессионального мастерства, полученные им от двух очаровательных русских инструкторов женского пола. Одна из крупных кинокомпаний приобрела в прошлом году права на экранизацию книги Саймондса, только еще не решила, кто будет играть главную роль – Дэниел Крейг или Джуд Лоу.

На склоне лет Быстролетов не без гордости вспоминал свои мужские победы. Первую из них он одержал еще в Праге. В своих записках он называет даму, с которой познакомился по заданию резидента, графиню Фьореллу Имперали.

Из «Пира бессмертных». Я начал работать. Но вскоре пришла страстная любовь к другой женщине – Иоланте. Она мне ответила взаимностью, и мы поженились. Несмотря на женитьбу, я продолжал разрабатывать порученное... И ночи в двух постелях продолжались. В одной я спал как муж. В другой – как помолвленный жених. Наконец, настало страшное мгновение: я потребовал от Фьореллы доказательств бесповоротности ее выбора... Через несколько дней она ухитрилась привезти пакет, в котором оказались все шифровальные книги посольства, умоляя:

– Только на час! На один час!

А потом и Иоланта получила от резидента задание по постельной части...

По сведениям Эмиля Дрейцера, пышный титул своей пассии Быстролетов выдумал – отчасти по соображениям секретности. На самом деле это была скромная секретарша французского посольства. В книге Кристофера Эндрю и Василия Митрохина «Меч и щит» названо

подлинное имя этой женщины – Элиана Окутюрье. Ей было тогда 29 лет.

Что же касается другого страстного романа – с любовницей румынского генерала, то сегодня уже никто не возьмется утверждать наверняка, что он был на самом деле, уж очень бульварно он описан, прямо Поль де Кок какой-то.

Из «Пира бессмертных». За столиком с шампанским во льду мы, вероятно, казались весьма живописной парой – она в глубоко декольтированном платье, я во фраке. Мы шептались, как юные влюбленные. «Если вы меня предадите, то будете убиты, как только высунете нос из Швейцарии», – говорила она мне в ухо, сладко улыбаясь. Я улыбался еще слаще и шептал ей в ответ: «А если вы меня предадите, то будете убиты вот здесь в Цюрихе, на этой самой веранде, над синей водой и белыми лебедями».

Эмиль Дрейцер считает, что на самом деле интимных связей со шпионскими целями у Быстролетова было две-три, не более.

– Я думаю, что он это использовал с француженкой и еще была жена английского агента Олдэма, который сам, кстати говоря, пришел в советское посольство. И то там была другая ситуация: она сама проявила инициативу, потому что ее муж был алкоголик, и она была в совершенном отчаянии.

Операция разработки шифровальщика британского МИДа капитана Эрнеста Олдэма стала крупнейшей профессиональной удачей Быстролетова. В августе 1929 года Олдэм пришел в советское посольство в Париже. В разговоре с резидентом ОГПУ Владимиром Войновичем он не назвал себя настоящим именем и предложил продать британский дипломатический шифр за 50 тысяч долларов. Войнович сбил цену до 10 тысяч и договорился о встрече с Олдэмом в Берлине в начале следующего года. На встречу отправился Быстролетов. Именно тогда он стал выдавать себя за венгерского графа, попавшего в сети советской разведки, и вступил в интимные отношения с женой Олдэма Люси, чтобы крепче привязать к себе супругов.

Отголосок этого сюжета есть в фильме 1973 года «Человек в штатском», снятом по сценарию Быстролетова, который и сам сыграл в нем эпизодическую роль. Фильм рассказывал о приключениях советского разведчика Сергея в нацистской Германии за три года до начала Второй мировой войны. От других шпионских боевиков картина отличалась тем, что в ней совершенно не было тяжеловесной советской идеологии, ностальгии по русским березкам и риторике по поводу высокого долга. Сергей, роль которого сыграл молодой Юозас Будрайтис, был элегантным красавцем, совершающим свои шпионские подвиги легко, изящно и не без юмора. Герой «Человека в штатском» был сродни Джеймсу Бонду, а фильм, как и фильмы бондианы, – слегка пародией. Помню, что меня особенно веселило фальшивое имя Сергея – знатный, но разорившийся венгерский граф Переньи де Киральгазе. Оно напоминало мне слово «корогаз».

Люси Олдэм в этой картине превратилась в жену полковника Генерального штаба вермахта, баронессу Изольду фон Остенфельзен. Ее сыграла Ирина Скобцева, а самого барона – Николай Гриценко. Разумеется, никакого алкоголизма и постельных сцен: барон – идеальный шпион.

Не лишена документального основания и другая линия фильма – отношения героя с женщиной-офицером гестапо. Рассказывает Эмиль Дрейцер:

– Она была не просто уродлива – у нее было обожженное лицо, в детстве она попала в автомобильную катастрофу. И конечно, было невозможно подойти к ней так, как, скажем, к француженке, сделать вид, что ты в нее влюбился. Француженка была хороша собой и молода, а этой было около 40, и она была совершенно обезображена. Но он нашел психологический ключ. Она была яркой нацисткой, и он пытался все время расспрашивать, как бы подзадоривать: а что такого особенного в этом господине Гитлере, в Геббельсе? Я венгр, жил в Америке и не понимаю, почему у вас в Германии такой большой ажиотаж. И смог ее убедить

в том, что он такой наивный молодой человек, который не знает европейской политики. Так постепенно он смог ее соблазнить и стать ее любовником. Вот это, пожалуй, высший класс.

В картине «Человек в штатском» роль штурмфюрера СС Дорис Шерер играет Людмила Хитяева. За бокалом вина она обращает венгерского плейбоя в свою веру: «Вы должны понять, граф, что скоро господином мира станет германская северная раса». «А что вы обещаете нам, венграм?» – интересуется граф. «Радость и честь трудиться под руководством нордического человека!» – с упоением отвечает Дорис. Предмет ее особой гордости – альбом с проектом образцового концлагеря. Все это было откровением в тогдашнем советском кинематографе.

Возвращение

– Понимаете, Эмиль, с Быстролетовым у меня какая-то особенная трудность. Он, конечно, занимает среди советских разведчиков отдельное место. И честно говоря, производит двойственное впечатление. Винават он сам, его собственные сочинения о его шпионских похождениях – легковесная беллетристика. Но вот человеческая сущность ускользает, за этой позой ее не видно. Да и не видно, собственно, реальных дел. Вот, скажем, в истории с атомной бомбой все понятно, мы знаем: была сделана бомба. А в случае с Быстролетовым – ну, добыл шифры, а дальше что?

– Все, что вы сказали, как раз и объясняет трагедию жизни Быстролетова. Он в конце своей жизни понял то, о чем вы говорите: все, что он добыл – шифры дипломатические, образцы оружия и все прочее, – не было до конца использовано. Он понял, что был пешкой в огромной игре. Он добывал, другие добывали, но Сталин, как известно, запретил анализировать данные: «Я сам буду анализировать и сообщать, что это значит». В том-то и дело, что его жизнь была практически полностью выброшена в мусорный ящик. Он это понимал и в своей последней книге прямо пишет: ночью я просыпаюсь и думаю о том, на что были потрачены лучшие годы моей жизни, не только мои, но и моих соратников-разведчиков... Страшно состариться и остаться в конце жизни у разбитого корыта. Вот его слова.

Я прекрасно понимаю, что в некоторых эпизодах он как человек вызывает неоднозначные ощущения. Он с детства был человеком подорванного достоинства, поэтому делал многое такое, что его отнюдь не украшает. Но ему это было необходимо для самоутверждения.

Однако мы забежали вперед. Вернемся к тому времени, когда в сталинском Советском Союзе разворачивался Большой террор. В сентябре 1936 года был снят с поста наркома внутренних дел Генрих Ягода. Его сменил Николай Ежов. Начались аресты руководителей Иностранного отдела. Отзывались в Москву сотрудники заграничного аппарата разведки. Обратного никто не возвращался. В 1937 году получил вызов нелегал Игнатий Рейсс, но решил остаться во Франции и в том же году

В сентябре 1937 года ордер на арест Быстролетова подписал лично замнаркома внутренних дел Лаврентий Берия

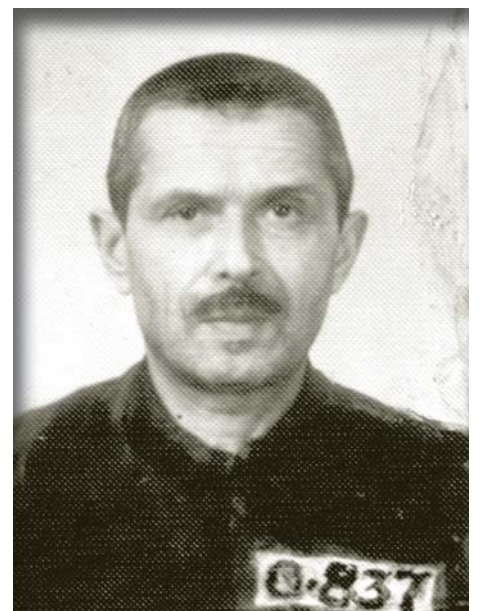

Фото перед освобождением из Гулага

был убит в Швейцарии в результате специальной операции НКВД. Его друг и коллега Вальтер Кривицкий тоже остался на Западе. Руководитель лондонской нелегальной резидентуры Теодор Малли вернулся и был расстрелян. Получил приказ вернуться и Дмитрий Быстролетов.

– Насколько я понимаю, он знал Игнатия Рейсса, знал Малли, знал, видимо, Кривицкого...

– Да.

– Малли вернулся, а Рейсс и Кривицкий – невозвращенцы. Быстролетов не мог не думать на эту тему, он знал, конечно, что происходит с теми, кто был отозван в Москву. Он был готов к тому, что с ним произойдет, надеялся оправдаться? Почему он вернулся?

– Я думаю, он все-таки до конца не верил... Он был наивен в этом смысле, не понимал до конца причины Большого террора. Он думал, что все-таки это ошибка. Даже когда его арестовали, после ареста. Как многие другие, кстати говоря.

– На самом деле ведь почти все разведчики вернулись. Рейсс и Кривицкий – это редкое исключение. Они все отправились, как кролики в пасть удава...

– На самом деле он не мог не вернуться. Таким было его внутреннее самоощущение – вне страны, в которой он родился, он себя ощущал ничтожеством. Понять это было нелегко, я консультировался и с психиатрами, и с психоаналитиками. К сожалению, вот так это бывает у людей, которые в детстве травмированы. Он это понимал. У него есть глава, в которой он описывает психологические отклонения своей матери, деда, бабушки и так далее. Он это понимал. Он говорил об этом прямо.

– Но неужели Быстролетов не догадывался, что происходит у него на родине?

– Он предпочитал этого не видеть.

В фильме «Человек в штатском» вернувшегося в Москву разведчика с почетом, под бой курантов, по-отечески принимает руководитель разведки и дает ему новое задание – в Испании. На самом деле отправили его совсем в другое место. Для начала его уволили из НКВД и назначили заведующим бюро переводов Всесоюзной торговой палаты. В сентябре 1938 года Быстролетов был арестован по обвинению в шпионаже. Даже его следователь Соловьёв не понимал такой покорности судьбе.

Из «Пира бессмертных». Он потянул. Зевнул. Закурил. И тут до него дошло!

– Погоди! – спохватился он. – Так ты вправду имел такие деньги в руках, Митюха? Три миллиона в валюте?

– Да. У меня была своя фирма и свой валютный счет.

– При наличии иностранного паспорта?

– Нескольких. И все были подлинные!

Соловьёв долго смотрел на меня. Его лицо отображало крайнее изумление.

– Так значит, ты в любой день мог с этими деньгами рвануть куда-нибудь в другую страну и прохладиться в свое удовольствие по гроб жизни?

– Да, конечно...

Соловьёв замер. Рот его приоткрылся. Он нагнулся ко мне.

– И все-таки приехал? – и добавил шепотом, задышав: – Сюда?!

– Да, вернулся. Хотя вполне мог ожидать ареста: иностранная печать об арестах в СССР много писала, и мы были хорошо обо всем информированы.

– Так, почему же ты вернулся?! Баран! Идиот! Кретин! – он качает головой: – Одно слово – гад!..

Я поднял глаза:

– Я вернулся на Родину.

Соловьёв передернулся.

– Променял иностранную валюту на советскую пулю?!

Дмитрий Быстролетов не выдержал пыток и подписал все, что от него требовали подписать.

Из приговора военной коллегии Верховного суда СССР. Предварительным и судебным следствием установлено, что Быстролетов на протяжении ряда лет являлся участником антисоветской эсеровской террористической и диверсионно-вредительской организации. Проживая в Чехословакии в эми-

Рисунок Дмитрия Быстролетова

грации, Быстролетов установил связь с иностранной разведкой и по ее заданию проник на работу в советское торговое представительство. Работая за границей в советском учреждении, Быстролетов передавал иностранной разведке сведения, составляющие государственную тайну. В 1936 году Быстролетов, прибыв в Советский Союз, устроился на работу во Всесоюзную торговую палату, где и создал антисоветскую эсеровскую группу. В СССР Быстролетов установил связь с агентами английской разведки и передавал им сведения шпионского характера.

С таким составом преступления могли приговорить и к расстрелу, но Быстролетов получил 20 лет лагерей. Почему? Эмиль Дрейцер считает, что вследствие очередной смены руководства в НКВД, – вместо Николая Ежова наркомом стал тогда Лаврентий Берия.

– Именно потому, что он подписал не сразу, он выиграл время и остался в живых. При Берии все-таки, как показывает статистика, расстрелов было гораздо меньше. А подписал он, рассудив: «Ну хорошо, ясно – после следующей пытки меня убьют. И что будет дальше? Мое имя будет навсегда испоганено. Но если я останусь жив, то у меня будет шанс когда-нибудь добиться пересмотра».

Годы, проведенные в лагере, он описал в книге «Пир бессмертных». Ее отличительная особенность в том, что автор не перекладывает ответственность за случившееся на кого-то другого.

Из «Пира бессмертных». В Бутырской тюрьме произошло первое знакомление с бессмысленностью и массовостью истребления советских людей. Это меня потрясло не меньше, чем моя собственная гражданская гибель. Я не понял, зачем это делается и для чего, и не смог догадаться, кто именно стоит во главе организованного массового преступления. Я разглядел всенародную трагедию, но Великий Режиссер оставался для меня за кулисами, и я не узнал его лица. Я понял, что мелкими фактическими исполнителями являемся мы сами, честные советские люди, строившие свою страну.

Эмиль Дрейцер рассказывает:

– С ним был случай в лагере, и я долго не мог понять, что же произошло, пока мне не объяснил психиатр. На лесоповале охранник подозвал ээка и, когда тот подошел, просто в упор его расстрелял. Потом переставил красные флажки, обозначающие зону, так, что получилось, что заключенный убит при попытке к бегству. Это было сделано на глазах у всех. У Быстролетова, наблюдавшего всю сцену, внезапно парализовало правую сторону тела, руку и ногу. Психиатр, которому я рассказал этот случай, объяснил мне, в чем тут дело. Его естественной реакцией было ударить конвоира. Это означало немедленную смерть – его точно так же расстреляли бы на месте. Он сдержал себя усилием воли – и получил паралич. Тогда он попытался покончить с собой, но не смог парализованной рукой завязать петлю на веревке.

В колымской глуши, на нарах Быстролетов вспоминал альпийские луга Швейцарии, морской бриз Лазурного берега и «тискал романы».

Из «Пира бессмертных». – «Путешествие в Беллинцону» или «Девушка и ка-

мень», – начинаю я. Потом закрываю глаза – и, странно, вдруг вижу перед собой то, чем была когда-то моя жизнь. Это не воспоминание. Это – или реальность, более действительная, чем мертвый рот с киселем у моих грязных ног, или спасительная мечта и отдых. Не раскрывая глаз, чтобы не спугнуть легкое видение, я продолжаю:

– В тридцать пятом году мне пришлось частенько выезжать по делам из Парижа в Швейцарию. Бывало, вечером, закончив работу, еду на вокзал. Такси еле пробивает себе дорогу в гуще машин и людей. Полузакрыв веки, я усталю наблюдаю вспышки разноцветной рекламы, слушаю волны музыки и говора толпы сквозь равномерный шелест движения тысяч автомобильных шин по мокрому асфальту. Мировой город проплывает за окнами такси... А утром поднимаю штору на окне спального вагона, опускаю стекло, высовываю голову – боже, какая сладость! Поррантрюи... Швейцарская граница... Пахнет снегом и цветами... Раннее солнце золотит дальние горы и капельки росы на черепице крыш... По перрону накрахмаленные девушки катят лоточки с пузатыми кружками горячего шоколада...

Прозрение

Быстролетов верил в возможность оправдания долго, вплоть до 1947 года, когда его неожиданно привезли из Сиблага в Москву. На Лубянке его привели в просторный кабинет министра госбезопасности Виктора Абакумова. Министр предложил ему амнистию и возвращение в разведку. Быстролетов отказался. Он потребовал полной реабилитации.

Ответом Абакумова стало трехлетнее заключение в одиночной камере одной из самых страшных тюрем НКВД – Сухановской. А потом – возвращение на каторгу. Подобно многим своим товарищам по несчастью, даже в лагере Быстролетов не разуверился в светлом будущем социализма.

– Вы говорили, что для него существовала разница между режимом и родиной.

– У него была возможность бежать. В Норильском лагере. И он в последний момент решил, когда увидел строительство огромного комбината, который строили заключенные... его захватило это величественное зрелище, захватило чувство, что вот, в моей стране строится такой огромный комбинат, что все, что сейчас делается, в конце концов делается на пользу родины, пусть это и строят заключенные. То есть он был жертвой сталинской пропаганды. Вот в чем дело. Он был сталинистом, я думаю, до 1947 года. Сначала он верил, как многие, что Сталин не знает о том, что происходит. Вот если ему сообщат, как людей ни за что хватают, он это все приведет в порядок. У него перемена произошла постепенно. И, скажем, в 1953 году к тому моменту, когда разворачивалось дело врачей, он уже полностью отождествлял нацизм и сталинизм. К 1953-му году он был совершенный антисталинист. Но все-таки верил в то, что социализм должен победить. И только постепенно, в последней книге «Трудный путь в бессмертие» он приходит к пониманию того, что дело даже не в Стали-

В 1973 году по сценарию Быстролетова был снят фильм «Человек в штатском» о приключениях советского разведчика

не, что без Ленина не было бы Сталина. К этому он уже пришел под конец – к полному отрицанию коммунизма как идеи.

Он выжил. Был освобожден в 1954-м, реабилитирован в 1956-м. Ютась с женой в убогой коммуналке, инвалид и полностью деморализованный человек, он зарабатывал на жизнь переводами медицинских текстов (помимо диплома юриста, у него был и диплом врача). Постепенно приходило прозрение. Опыт политзаключенного сделал его антисталинистом, но в социализм он верил еще долго.

В 1960-е годы новый председатель КГБ Юрий Андропов задумал «реабилитацию» Лубянки. Появились книги, фильмы, воспоминания о героических буднях разведки. Требовались яркие примеры. Вспомнили и о Быстролетове. Его портрет повесили в секретной комнате боевой славы в главном здании КГБ. Ему предложили квартиру взамен конфискованной и пенсию. Квартиру он взял, а от пенсии отказался. Андропов не знал, что к тому времени бывший восторженный юноша, романтик разведки, превратился в убежденного антикоммуниста.

– Я где-то читал, что в 1974 году, когда началась кампания против Солженицына, Быстролетов инсценировал или фальсифицировал уничтожение своих собственных рукописей. То есть он себя уже идентифицировал как диссидента...

– Конечно. Когда Солженицына выслали, он понял, что он тоже может оказаться в опасности, и инсценировал сожжение своих мемуаров. Он действительно считал себя диссидентом. Это совершенно очевидно – в последней книге «Трудный путь в бессмертие» он приходит к полному отрицанию того, во что он верил в начале своей жизни. По этой причине и сценарий шпионского фильма, который ему милостиво разрешили написать, получился совершенно аполитичным.

– Все-таки поразительная эволюция.

– Именно это меня и толкало, все-таки я столько лет потратил на изучение его жизни. Он один из немногих людей, которых я знал, кто смог перебороть свою юношескую слепую веру в коммунизм. Большинство людей его поколения, даже пострадавших, осталось на прежних позициях: да, были ошибки, но система была правильной. Смогли перебороть себя единицы. За это я в конечном счете уважаю Быстролетова. Хотя он, конечно, сложная личность. Многих своих поступков он сам стыдился. И тем не менее, он оказался способен на этот внутренний переворот – думаю, потому, что был беспощаден к самому себе.

– Для этого надо иметь мужество.

– Он был, бесспорно, мужественный человек.

Дмитрий Быстролетов скончался 3 мая 1975 года. Похоронен на Хованском кладбище в Москве. В 1932 году награжден именным оружием «За беспощадную борьбу с контрреволюцией». Других правительственных наград не имел.

Фото из архива С.С. МИЛАШОВА
опубликованы с его любезного разрешения

■ Владимир АБАРИНОВ

Публикация 2010 года

Несколько лет назад Сергей Маковецкий приехал в Париж сниматься в картине Кристиана Кариона, чей фильм «Счастливого Рождества!» в 2006 году номинировался на «Оскар» как лучшая иностранная картина. Чуть ли не по дороге из аэропорта в отель у него зазвонил мобильник. Любезный голос на том конце принадлежал тогдашнему Чрезвычайному и Полномочному Послу РФ во Франции Александру Авдееву. Его превосходительство стал рассыпаться в комплиментах: мол, публика заслуженно любит Маковецкого, он прекрасный актер и по праву купается в лучах славы. А затем заговорил о главном: но будет ли способствовать его популярности исполнение роли изменника родины?

Что-то я не припомню за все послесоветское время ни одного случая, когда чиновник столь активно вмешивался в творческую жизнь актера. Актер уровня Маковецкого мог, мягко говоря, пропустить все это мимо ушей, без малейших последствий для себя. Но в данном случае получилось иначе.

Начать придется издалека.

Карьера Ветрова

Поздней осенью 1982 года по Москве разнесся слух о небывалом происшествии: будто бы офицер КГБ арестован и осужден за бытовое убийство чуть ли не на почве ревности. Ничего подобного с наследниками Железного Феликса в ту пору не случилось: в комплекте с горячим сердцем и чистыми руками им полагалась холодная голова. Однако слух был правдивым.

Французская разведка в начале того же года потеряла своего ценнейшего агента, носившего агентурный псевдоним Фарэвелл: он не пришел на встречу со связником и вообще исчез. Сопоставив некоторые подробности, в Париже пришли к выводу, что осужденный – не кто иной, как Фарэвелл. Французы не ошиблись. Редчайший случай в практике шпионажа: агент не провалился, но выбыл из строя в связи с уголовным преступлением.

Фарэвелл – одна из самых противоречивых и загадочных фигур в истории разведки. Сервильные хроникеры советских органов изображают его беспринципным карьеристом и морально-бытовым разложением, продавшимся за малую корысть. Для Запада он герой, бессребреник и человек, приблизивший крах советской империи. В его деле до сих пор много белых пятен.

Его реальное имя будто списано с имени героя шпионской саги Форсайта или ле Карре – Ветров Владимир Ипполитович. Родился в 1932 году в Москве в рабочей семье. Закончил МВТУ имени Баумана (по тем временам одно из престижнейших учебных заведений) и стал специалистом по вычислительной технике. Работал инженером на Московском заводе счетно-аналитических машин. Там на него Контора и положила глаз. Обычно в таких случаях человека приглашали в отдел кадров, где с ним вступал в доверительную беседу незнакомец в штатском.

Владимир Ипполитович получил предложение перейти на службу в разведку. Дело было в 1959 году. На дворе стояла хрущевская оттепель, время решительного разрыва с мрачным прошлым страны и возродившихся надежд на светлое коммунистическое будущее. Ветров не видел причин для отказа. Наоборот, он с энтузиазмом взялся за дело.

В те годы научно-техническая разведка стала главным приоритетом советских разведслужб. Несмотря на отдельные яркие успехи в освоении космоса, СССР оказался на обочине технологического прорыва, прежде всего в области микроэлектроники. Охота за научными секретами была организована на уровне Совета министров. При президиуме СМ в 1957 году была учреждена Государственная комиссия по военно-промышленным вопросам во главе с Дмитрием Устиновым, собиравшая заявки министерств и составлявшая разведплан на год. Этот госзаказ направлялся в Управление «Т» Первого главного управления КГБ. Задания получала не только советская

Досье Фарэвелла

ИСТОРИЯ ВЛАДИМИРА ВЕТРОВА – АГЕНТА, РАЗРУШИВШЕГО СИСТЕМУ СОВЕТСКОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ШПИОНАЖА

разведка, но и разведорганы социалистических стран. Ежегодный бюджет госкомиссии на финансирование конкретных операций составлял 12 миллиардов французских франков.

В 1965 году Владимир Ветров отправился в свою первую заграничную командировку – во Францию. Его официальным прикрытием была должность старшего инженера внешнеэкономического объединения «Машприборинторг». Вернулся в 1970-м. Его работа получила высокую оценку руководства – благодарность председателя КГБ. Спустя четыре года Ветрова послали в Канаду. На этот раз, однако, работа не заладилась, Ветров сорвался и был уже через год отозван в Москву с выговором по партийной линии за пьянство и другие отступления от «облика морале».

Его отстранили от оперативной работы. Служебный рост застопорился. Ветров к тому времени был уже подполковником. В стране царил брежневский застой. Эмоциональная неустойчивость все чаще давала о себе знать. Он разочаровался в идеалах молодости и загулял от жены.

Решение предложить свои услуги французской разведке пришло, судя по всему, спонтанно, благодаря чистой случайности. Но подполковник уже созрел для этой случайности. В феврале 1981 года Ветров по долгу службы приехал в Экспоцентр на Красной Пресне на международную выставку «Гидрометеотехника». В одном из залов он встретил старого парижского знакомого – Александра де Поля, представителя одной из крупнейших нефтесервисных фирм «Шлюмберже». Француз радостно возобновил знакомство. Из дальнейшего разговора выяснилось, что де Поль довольно часто видится с их общим приятелем Жаком Прево. Ветров подумал и попросил Поля передать ему записку.

Французский связной

Жак Прево занимал пост коммерческого директора компании Thomson-CSF, разработчика электронных приборов, в том числе военного назначения (в настоящее время компания называется Thales Group). Ветров знал или догадывался, что Прево связан с контрразведкой (DST). Почему Ветров выбрал не развед-

Здесь и вверху: кадры из фильма Кристиана Кариона «Дело Фарэвелла», где главную роль вместо Сергея Маковецкого пришлось сыграть Эмиру Кустурице (справа)

ку, а контрразведку? Бывший глава DST Марсель Шале предполагал, что подполковник опасался советских «котов» во французской разведке и верно рассчитал, что соперничество двух спецслужб уменьшает риск разоблачения.

В записке была всего лишь просьба Ветрова связаться с ним в Москве. Прево понял его совершенно правильно. Он отнес записку в штаб-квартиру DST на Рю де Соссе. Там решили попробовать.

DST никогда не работала за рубежом, а Ветров был невыездым. На роль связника подобрали дипломата, чье подлинное имя по сей день не раскрывается. В российских популярных очерках (коих насчитывается два, и оба написаны в крайне враждебном к Ветрову тоне) он назван майором Патриком Ферраном. Но Шале в своих мемуарах называет этого человека псевдонимом «Максим». Максим прошел краткий курс шпионских наук и подготовил несколько тайников в Москве. Однако Ветров быстро раскусил дилетанта и прочно взял дело в свои руки. Встречи происходили исключительно по его инициативе и на его условиях.

По словам Максима, Ветров, как и многие его коллеги, сильно выпивал и отличался бесшабашной удалью. Он рисковал азартно, будто нарочно искал провала, и заставлял своего связника умирать от страха. В своих «жигулях» подполковник возил Максима по Москве и пригородам, показывая ему оборонные предприятия и секретные НИИ. А однажды, предъявив охране свое служебное удостоверение, он въехал на территорию «почтового ящика», где делали ракеты. Максим уже приготовился к провалу, но Ветров развернулся и уехал с секретной территории.

Западные источники утверждают, что за шпионскую работу Ветров не требовал и не получал никакой оплаты. Российские называют смешную для такой работы цифру – 30-40 тысяч рублей в год. Года он и не проработал: последняя встреча Ветрова и Максима состоялась в декабре 1981 года. 23 февраля 1982 года связник тщетно ждал агента у Бородинской панорамы. Агент в это время уже сутки как был заключен под стражу.

Не имея доступа к материалам закрытого судебного процесса, поступок Ве-

трово сложно объяснить чем-либо кроме умопомрачения. В тот злосчастный день Ветров и его сослуживица и любовница Людмила Аничкина поехали кататься на машине. С Рублевского шоссе свернули в лес, остановились. Ветров откупорил бутылку шампанского. Романтическая прогулка стремительно превратилась в бурную сцену. По одной из версий, Аничкина требовала, чтобы Ветров бросил семью и женился на ней; Ветров в припадке ярости ударил ее бутылкой по голове, а потом будто бы орудовал еще и гаечным ключом и, наконец, ножом. Аничкина вырвалась, стала звать на помощь, пыталась убежать... Происходящее увидел случайный прохожий, попытался спасти несчастную и получил смертельный удар ножом. Ветров якобы скрылся с места преступления, Аничкиной хватило сил добраться до ближайшего поселка Екатериновка и сообщить о случившемся в милицию.

По другой версии, Ветров Аничкину не бил, и они не ссорились, а просто в стекло машины постучал, желая о чем-то спросить, незнакомец. Ветров, нервы которого были напряжены до предела, решил, что он разоблачен, выскочил из машины и ударил неизвестного ножом. Пострадавший скончался на месте.

Большинство источников определенно утверждают, что случайный прохожий оказался тоже сотрудником КГБ. Это уже положительно интересно.

Козырь Миттерана

Неизвестно, откуда взялась и пошла гулять цифра 4000 – будто бы именно столько документов Ветров передал французам. Марсель Шале называет другую: DST получила от Ветрова 2997 страниц совершенно секретных документов. Еще тогда, когда объем «Досье Фарэвелла» был далеко не так значителен, ему суждено было сыграть ключевую роль в большой политике.

В мае 1981 года Президентом Франции был избран лидер социалистов Франсуа Миттеран. Генеральный секретарь французской Компартии Жорж Марше, мобилизовавший на поддержку Миттерана свою паству, потребовал своей доли пирога. Назначенный премьер-министром Пьер Моруа ввел в состав кабинета четырех коммунистов.

В Вашингтоне ахнули. Администрацию Рональда Рейгана особенно потрясло назначение коммуниста Шарля Фитермана министром транспорта. Это означало, что отныне идейный союзник Москвы будет контролировать стратегические коммуникации и объекты инфраструктуры, задействованные в оперативных планах НАТО. Между Вашингтоном и Парижем пролегла трещина недоверия. Ровно на следующий день после назначений Госдепартамент США опубликовал заявление: «Включение коммунистов в состав этого правительства... скажется на тоне и содержании наших союзнических отношений». Вице-президент Джордж Буш посетил Елисейский дворец и довел эту позицию до сведения Президента Франции в личной беседе.

Миттеран посылал за океан одно доверенное лицо за другим. Они заверяли американцев, что во внешней и оборонной политике Франции ничего не меняется. В их числе был и шеф разведки Пьер Марион. Но посланцы встречали в Вашингтоне ледяной прием. От французских буквально прятали бумаги на столе. И Миттеран придумал, чем задобрить американцев.

В июле новоизбранный президент Франции прибыл на очередной саммит

«семерки» в Оттаву. Дабы сломать лед отчуждения, Миттеран во время личной встречи с Президентом США передал ему копию одного документа из досье Фарэвелла. На бумаге стоял гриф «совершенно секретно» и номер экземпляра – 1.

В Вашингтоне бумага произвела должное впечатление. Спустя две недели в американскую столицу прибыл Марсель Шале. Он привез досье Фарэвелла целиком. Его принял в своей резиденции, а не в служебном кабинете в Белом доме, вице-президент Буш, в прошлом занимавший пост директора ЦРУ. Встреча состоялась 3 августа. Буш мгновенно оценил значение документов Ветрова и попросил немедленно приехать директора ЦРУ Уильяма Кейси, директора ФБР Уильяма Уэбстера и директора Агентства национальной безопасности Бобби Инмэна. Троица прилетела на вертолете. Шале пишет, что все трое были «потрясены, их лица побелели как простыня».

Лед в двусторонних отношениях был сломан.

Директор ЦРУ Уильям Кейси передал досье для изучения Гасу Вайсу – опытнейшему аналитику, работавшему в то время в Совете национальной безопасности. Вайс очень быстро понял, что держит в руках бомбу.

Вайс знал, что в СССР промышленный шпионаж поставлен на широкую ногу, знал о том, что режим КОКОМ (Координационный комитет стран НАТО по контролю над экспортом стратегических товаров и технологий в страны советского блока) основательно прохудился, но о масштабах охоты за технологическими секретами Запада лишь смутно догадывался. Теперь он располагал бесспорными доказательствами: благодаря разведке Москва экономит миллиарды на самой дорогостоящей фазе разработки нового оружия – научно-исследовательских работах.

Вайс был против публичного скандала. Он выступал за ужесточение экспортного режима. Кроме того, он придумал трюк, который должен был свести на нет все попытки советской разведки добыть американские технологические секреты.

В январе 1982 года Вайс пришел со своими предложениями к Уильяму Кейси. Их суть сводилась к тому, что следует позволить Москве обзавестись некоторыми технологиями и аппаратами, которые она жаждет получить, однако это будет технологией и аппараты со встроенным скрытым дефектом. Результатом станет технический сбой, и приобретение окажется бесполезным. Даже если некий «крот» раскроет русский обман, США все равно окажутся в выигрыше, так как следствием станет недоверие ко всем материалам, полученным научно-технической разведкой КГБ.

План был приведен в исполнение и, по словам Вайса, принес прекрасные результаты. Так, например, советский космический шаттл «Буран» был проектом, отвергнутым самими американцами.

Существование плана подтверждает в своей книге «Над бездной» Томас Рид, бывший министр Военно-воздушных сил США, а также Уильям Сэфайр, бывший спичрайтер Никсона, а впоследствии кolumnист New York Times. Сэфайр был одним из самых твердых и активных противников сооружения газопровода из Советского Союза в Западную Европу. Для Москвы это был стратегический проект, ставший прологом к нынешней экспансии «Газпрома».

«Список советских пожеланий», – пишет Сэфайр, – возглавляли системы компьютерного управления новым трансисибир-

ским газопроводом. Когда мы отклонили их открытый запрос на закупку, КГБ направил тайного агента в канадскую компанию с заданием украсть компьютерную программу. Предупрежденные Фарэвеллом, мы построили в пиратски украденный продукт «троян», как это называется на жаргоне программистов».

«Программа управления насосами, турбинами и клапанами, – пишет Рид, – была настроена так, чтобы дать сбой и установить такую скорость прокачки и такие параметры для клапанов, которые привели бы к возникновению давления, намного превосходящего предел прочности стыков и сварных швов. Результатом операции стали самые мощные неядерный взрыв и пожар, когда-либо виденные из космоса».

В июне 1989 года действительно произошел сильный взрыв и пожар на газопроводе в Башкирии. Как раз в этот момент вблизи трубы проходили два пассажирских поезда. Число жертв составило более 400 человек. Однако Сэфайр называет в качестве даты взрыва 1982 год и ничего не пишет о жертвах.

Разоблачение

3 ноября 1982 года трибунал Московского военного округа признал Ветрова виновным в умышленном убийстве и приговорил его к 15 годам лишения свободы в колонии строгого режима. Он был лишен воинского звания и наград. Наказание отбывал в Иркутской области. Однако в августе 1984-го в его судьбе произошел новый крутой поворот.

Ветрова сдал лично Франсуа Миттеран, которому досье Фарэвелла помогло в свое время снискать доверие Рональда Рейгана.

11 января 1983 года Министерство иностранных дел Франции получило срочную депешу из Москвы. Первый советник посольства Жан-Пьер Массе сообщал, что шифр, которым кодировалась дипломатическая переписка, вот уже шесть лет как взломан: в аппарате телексы связи, которому потребовался ремонт, обнаружено устройство, позволявшее советской разведке получать сигнал еще до шифровки. «Жучок» был замаскирован под конденсатор и передавал сигнал через электросеть. Точно такие же устройства были установлены и в остальных телексах посольства.

Из Парижа в Москву телексы были отправлены железнодорожными контейнерами. Контейнеры были, конечно, опечатаны, но это препятствие советская разведка легко преодолела. За те двое суток, в течение которых груз находился на территории СССР, контейнеры были вскрыты и в каждый аппарат установлен фальшивый конденсатор.

Новость была столь чудовищной, что о ней немедленно, ночью, доложили министру иностранных дел Клоду Шейсону. Тот поставил в известность премьер-министра. Моруа отправился с докладом к президенту.

Когда Миттеран узнал о случившемся, он не нашел ничего лучшего, как учинить массовое выдворение сотрудников КГБ, работавших во Франции под дипломатическим прикрытием. 28 марта во французский МИД для вручения соответствующей ноты в отсутствие посла был вызван советник-посланник посольства СССР Николай Афанасьевский. Когда он осведомился, чем именно вызвана такая суровая мера, начальник канцелярии министерства Франсуа Шерр показал ему копию секретной бумаги госкомиссии по

военно-промышленным вопросам. Круг лиц, знакомых с документом, был крайне ограничен. Вычислить «крота» при таких условиях было делом техники.

14 декабря Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Ветрова к смертной казни. 23 февраля 1985 года – по иронии судьбы, в день несостоявшегося три года назад свидания Ветрова со связником – приговор был приведен в исполнение.

Впоследствии перебежчик Виталий Юрченко рассказал американцам подробности уголовного дела Ветрова и сообщил, что Ветров, отбывая наказание, выдал себя неосторожной запиской жене. По словам Юрченко, он читал в рукописи предсмертное письмо Ветрова, в котором тот объяснял свои мотивы и которое руководство КГБ намеревалось опубликовать в наизидание потенциальным изменникам. Но эффект письма оказался диаметрально противоположным. Мотивы были изложены столь убедительно, что по прочтении письма Юрченко сам решил остаться на Западе. Письмо так и не было опубликовано, даже для служебного пользования. Можно ли верить Юрченко, который затем бежал обратно и во многом остается загадкой для историков разведки – вопрос отдельный...

Помимо совсекретных документов, Ветров передал на Запад имена около 200 сотрудников Управления «Т», работавших в различных странах мира, а также завербованных ими агентов. Работа управления была парализована.

Политическим ответом Рейгана на досье Фарэвелла стала директива NSDD 75 о принципах американо-российских отношений от 17 января 1983 года. Важнейшим пунктом торговой политики документ называл строжайший контроль за экспортом технологий, в первую очередь двойного назначения, и предотвращение их утечек. Доктрина Рейгана состояла в том, чтобы истощить советскую экономику непосильными военными расходами. Эту цель преследовали, в частности, проект создания самолета-невидимки по технологии «стелс» и программа «звездных войн», которая была в большей степени блефом, чем реальностью.

Параллельно с этим Федеральной резервной системе США удалось сбить мировые цены на золото, а на шельфе Аляски было открыто новое колоссальное месторождение нефти, вследствие чего в 1986 году резко упала цена на нефть. Все эти события вкупе и стали внешней причиной перестройки. По крайней мере, так считают американцы.

Возвращение Фарэвелла

Среди 47 дипломатов, объявленных правительством Франции нежелательными иностранцами, значился и первый секретарь посольства Александр Авдеев. В 2002 году он стал Чрезвычайным и Полномочным Послом РФ во Франции. Неудивительно, что он принял так близко к сердцу замысел Кариона.

...Маковецкий внял совету посла – позвонил Кариону и попросил забыть его имя и номер телефона. Карион позвонил Михалкову – тот не поверил рассказу, сказал, что все выяснит и перезвонит, но когда перезвонил, подтвердил, что так оно и есть. О спродюсерстве речь уже не шла.

Кариону пришлось забыть не только имя Маковецкого, но и расстаться с мыслью о съемках в России. Советские сцены снимали на Украине и в Финляндии. А роль Ветрова исполнил Эмир Кустурица. Когда-то в детстве он учил русский язык, но все забыл – пришлось вспоминать с преподавателем.

В одном из интервью Карион рассказывал, что когда он начал работать над сценарием, ему стали звонить разные незнакомцы и предлагать поделиться дополнительной информацией. С одним из них он решил встретиться. Усевшись за столик в кафе, незнакомец с места в карьер спросил: «Так, стало быть, Фарэвелл мертв?» – «Ну да», – сказал Карион. – «А вы труп видели?» – «Труп никто не видел. Его жена получила из КГБ бумагу, где было сказано, что он казнен». – «Ну, раз КГБ говорит, значит, так оно и есть», – молвил незнакомец, заплатил за свой кофе и удалился.

Вице-президент США Джордж Буш предупредил новоизбранного президента Франции Франсуа Миттерана о возможном охлаждении двусторонних отношений.

Советский шаттл «Буран» был проектом, отвергнутым американцами

■ Владимир АБАРИНОВ

Публикация 2010 года

23 ноября 2006 года в клинике Лондонского университета скончался от отравления полонием бывший подполковник госбезопасности, а впоследствии эмигрант и диссидент Александр Литвиненко. Эта смерть стала заключительным актом драмы, начинавшейся в конце 1990-х годов, и одновременно началом новой главы в истории России и ее взаимоотношений с внешним миром. По роковому стечению обстоятельств оперуполномоченный ФСБ по борьбе с организованной преступностью, лицо не крупного калибра, оказался в центре событий огромного масштаба, определивших, без преувеличения, судьбу России, и стал разменной фигурой в противостоянии Владимира Путина и Бориса Березовского.

В США в 2010 году вышла в свет книга «Саша, Володя, Борис...», написанная Алексом Гольдфарбом при участии вдовы Александра Литвиненко, Марины. Гибель Литвиненко, некогда ставшая мировой сенсацией и причиной острейшего международного кризиса, ныне отошла на второй план – Москва и Лондон не желают ворошить прошлое.

Алекс Гольдфарб живет в Нью-Йорке, я позвонил ему по телефону из Вашингтона.

– В каком состоянии в данный момент находится дело о смерти Литвиненко?

– В подвешенном. Британцы требуют у России выдачи Лугового и делают вид, что рассматривают это как обычное уголовное преступление. Не придают делу никакого политического значения и не видят никакой связи с темой национальной безопасности. Произошло преступление, подозреваемому предъявлены обвинения, и вот они требуют его выдачи, прекрасно понимая, что его никто никогда не выдаст, – именно потому, что это политическое дело. И эта ситуация всех устраивает. Власти Великобритании решили, что после всего, что было, пора поставить точку, провести черту и двигаться дальше.

Это, естественно, не устраивает вдову, семью и друзей погибшего. Мы хотим справедливости, хотим, чтобы виновные были наказаны или хотя бы названы. В отличие от англичан, которые все время говорят «Луговой, Луговой», мы считаем, что ответственность за это преступление несет российское государство. Некоторые менее сдержанные институции, например, Конгресс США, такие слова произносили. В частном порядке нам говорят об этом все, включая британские власти. У них нет никаких сомнений в том, что заказ поступил из государственных структур Российской Федерации и что эти структуры способствовали преступлению и материально – в частности, предоставив убийцам полоний.

Существует легальная возможность вернуть дело Литвиненко в активную фазу без выдачи Лугового – так называемый инквест. При такой процедуре судья заслушивает показания свидетелей, изучает улики и выносит вердикт в отсутствие обвиняемого. Мы надеемся, что это произойдет, но пока британские власти затягивают процесс – опять же, на наш взгляд, по понятным причинам.

– А причем тут власти? Суд не может руководствоваться политическими соображениями...

– Суд не может. Но если полиция говорит судье, что она не готова, судья не может назначить дату рассмотрения дела.

– Из того, что я знаю об Александре Литвиненко, складывается образ, напоминающий восторженного д'Артаньяна, который вбежал в королевский дворец и с разбегу угодил в жернова большой политики. С другой стороны, он был опытным профессионалом, знал грубые, мрачные стороны жизни и профессии. Все-таки что он был за человек?

– Я с вами совершенно согласен. Саша был человеком двойственным. Володя Буковский про него так сказал: «Я, – говорит, – много видел в жизни оперов и могу сказать, что этот был абсолютный профессионал и достаточно циничен, потому что он, как всякий опер, работает с самым низменным человеческим материалом. И вместе с тем, – сказал Буковский, – он был удивительно романтичен и наивен в каких-то вопросах, а именно – в вопросах

Чашка чая с полонием

Об этом изощренном убийстве наша газета написала одной из первых (см. «Совершенно секретно», №№1, 7 за 2007 год). С тех пор об этом деле много говорили, молчали и снова говорили. Известен и главный подозреваемый. Но тайна гибели Александра Литвиненко по сей день остается тайной. Чтобы приблизиться к ее разгадке, важно понять мотивы поведения ключевых действующих лиц этой мрачной истории. Именно этому посвящена вышедшая в США книга «Саша, Володя, Борис...» Она интересна прежде всего тем, что представляет версию событий, которой придерживаются самые близкие к Литвиненко люди

общего мироустройства, понятиях добра и зла». Такое бывает на самом деле у людей этой категории, которую в массовой культуре обозначают термином «честный мент» – honest cop. Таких фильмов полно, взять хотя бы «Серпико» с Аль Пачино. Саша – как, кстати, и Путин, они очень похожи в этом отношении, – воспринял чекистскую идеологию не за страх, а за совесть. Он действительно был уверен, что принадлежит к некоему братству людей, которые борются со вселенским злом и защищают идеалы. Путин постарше, поэтому для него это были коммунистические идеалы, а для Саши – более размытые. Но, тем не менее, борьба с негативом, как они говорят, а Саша боролся с оргпреступностью, предполагала некую мораль. И когда он столкнулся с коррупцией, захлестнувшей его ведомство в начале 1990-х, он и его товарищи решили использовать связи с Березовским для того, чтобы исправить ситуацию, которая им казалась неприемлемой. При этом они не имели никаких особых политических планов. То есть это был классический производственный конфликт внутри ФСБ. Просто так получилось, что Саша был знаком с Березовским, и вся эта команда решила сделать на него ставку, чтобы свалить своего начальника, генерала Хохолькова. (Евгений Хохольков – в то время начальник управления ФСБ по борьбе с оргпреступностью. В ноябре 1998 года Литвиненко с группой сослуживцев заявили на пресс-конференции, что Хохольков отдал им устный приказ убить Березовского, а также давал им другие задания преступного характера. Результатом этих разоблачений стало расформирование управления и снятие Николая Ковалёва с поста главы ФСБ. Этот пост занял Владимир Путин. – В. А.)

Но кончилось тем, что на это место сел Путин, и Борис Абрамович развернул большую игру. Вы правы совершенно, началась политика, Березовский закрутил эту тему до невероятных высот, и в результате вся эта компания оказалась на мельнице большой кремлевской политики, и жернова начали их перемалывать. Даже когда Саша решился бежать, у него не было четкого понимания, от чего и куда он бежит. Он понимал, что его уничтожат. Он бежал, чтобы спасти жену и ребенка. А его превращение в убежденного противника данной политической системы началось уже в Лондоне, под влиянием в первую очередь Владимира Буковского. Буковский, распознав его романтизм и наивность, стал его просвещать, и в жестких руках Буковского Саша за два года превратился в яростного противника режима и прекрасно отдавал себе в этом отчет.

Из книги «Саша, Володя, Борис...»: «Я спросил Сашу, чем он занимался в Конторе. Он сразу уловил мою настороженность – он поразительно чутко чувствовал собеседника.

– Я был простым лейтенантом, когда пришел в КГБ, – сказал он, словно оправдываясь. – Ничего в жизни не видел, кроме армии, и думал, что буду защищать людей. А того, что у КГБ мрачное прошлое, ну там ГУЛАГ, миллионы жертв, я не знал, пока не начал читать об этом в газетах, когда развалился СССР. И поверь мне, в Конторе много хороших людей».

– Но вы же сами говорите, что на него контора тоже наложила отпечаток, как и на Путина. В чем же кардинальное различие?

– Отпечаток был, но потом отлетел, как шелуха. У него было два ключевых момента. Первый – это когда Саша в Анкаре выдал американцам секрет, настоящую

Марина Литвиненко и Алекс Гольдфарб в 2007 году представили первую книгу об убийстве Александра Литвиненко «Смерть диссидента»

военную тайну. (В октябре 2000 года, в нарушение подписки о невыезде, Литвиненко с семьей бежал в Турцию и при посредничестве Алекса Гольдфарба попросил политического убежища в посольстве США в Анкаре, но получил отказ. – В. А.). Он назвал имя американца, который незаконно продал России американскую технологию, а именно систему наведения ракет, при помощи которой был убит Джохар Дудаев. Когда Саша это сделал, он решил, что он теперь предатель. Марина говорила: «Какой же ты предатель? Ты это сделал, чтобы защитить себя и нас», а он все твердил: «Я предатель, я предатель». Тогда я ему говорю: «Саша, вот был один немец во время войны, он пошел работать на американцев – как, по-твоему, он предатель или герой?» Саша говорит: «Для американцев – герой, для немцев – предатель». А два года спустя он раскопал историю этого немца, прибежал ко мне с газетами и стал кричать: «Да ты знаешь, что он герой? Ему повесили мемориальную доску в Германии!» Так что он перешагнул Рубикон дважды. Тот момент, когда ты начинаешь понимать, что твоя лояльность системе – это зло, это страшное испытание для чекиста.

Вот другой чекист, Трепашкин. (Александр Трепашкин – еще один участник упомянутой пресс-конференции, эксперт общественной комиссии по расследованию взрывов жилых домов в городах России в сентябре 1999 года. В мае 2004 года приговорен к 4 годам лишения свободы за разглашение гостайны. Срок отбыл полностью. – В. А.). Он приехал в Киев, и все мы – я, Саша Литвиненко, Березовский – хором уговаривали его бежать. Его временно выпустили, но обязательно опять посадили бы. Но он уперся и сказал: «Если я убегу, я совершу предательство. Я всегда был честный офицер и поеду назад». Он вернулся в Москву, и его тут же посадили. Поэтому я книжку посвятил «изменникам родины».

– Я пытаюсь понять, почему Литвиненко, при всем своем опыте, так легко пошел на контакт с Луговым, Ковтуном и Соколенко, почему у него не было опаски в отношении своих бывших коллег? (Эти трое, но версии британского следствия, и были исполнителями заказа по устранению Литвиненко. – В. А.). Люди, знавшие Литвиненко, говорят, что он надеялся на свою профессиональную интуицию, на то, что ему удастся переиграть их. Так почему же все-таки он это сделал?

– Во-первых, у него было ложное чувство безопасности. Он считал, что угроза направлена против Закаева и Березовского, потому что он понимал свой и их масштаб – они были главные, а он, в общем-то, часть свиты того и другого. Центральную роль во всей этой истории играла обидка, которую Британия нанесла Путину лично и России в его лице, когда не выдала Березовского и Закаева. Во-вторых, он был действительно уверен в своих возможностях опера. Он все-таки был профессионал. А в-третьих, он, конечно, не знал, что происходит в Москве,

Андрей Луговой (справа) и Дмитрий Ковтун в августе 2007 года. Справа: Вячеслав Соколенко, встречавшийся с ними в Лондоне в начале ноября 2006-го

не знал причин, по которым в тот момент именно его решили убрать. Так сошлось, но он не мог этого знать.

Одна из версий убийства Литвиненко связана с испанским следствием по делу тамбовской преступной группировки в Испании. Он действительно много туда ездил, много дал информации, а главное – связал всех этих гангстеров, которых ловили испанцы, с кремлевскими чекистами. По его информации, испанцы в рамках правового сотрудничества направляли в Москву поручения на допросы – а они вели прямо в Кремль. Согласно этой версии, именно в этом контексте был убит Роман Цепов. *(Предприниматель Цепов, которому приписывалась роль связующего звена между российской властью и преступным миром, умер в сентябре 2004 года от отравления. По сведениям некоторых СМИ, симптомы его крайне скоротечной болезни имели явное сходство с симптомами смерти Литвиненко. – В. А.)* В конце концов, решили убрать и Сашу. Кроме того, Саша написал досье на Виктора Иванова. *(Генерал-полковник, в прошлом – замглавы Администрации Президента РФ, помощник президента, в настоящее время – директор Федеральной службы по контролю за наркотиками. – В. А.)* Ничего особенно нового в нем не было, но говорят, что досье это стоило Виктору Иванову нескольких десятков миллионов долларов: лопнула какая-то инвестиционная сделка. Так что много набирается причин, почему влиятельные люди могли пойти наверх и получить санкцию на такую операцию.

Но моя теория связана со смертью Анны Политковской. Она наиболее психологически убедительная. Во всех остальных версиях не очень понятно, почему Путин, понимая все последствия, мог дать отмашку на такую операцию. Его нужно было очень сильно разозлить. А без его отмашки операции быть не могло. Версия эта базируется на том, что Путин искренне поверил, что за убийством Политковской стоят Березовский и Литвиненко. Ведь это убийство испортило ему не только день рождения, но и визит в Германию, и чуть не подорвало всю его чеченскую политику. Он в тот момент поставил на Кадырова вопреки мнению своих силовиков – и ГРУ, и ФСБ Кадырова терпеть не могли. Кадыров был исключительно путинским проектом. И вот в этот момент убивают Политковскую, весь мир кричит «Кадыров – убийца!» А силовики говорят: это Борис Абрамович с Литвиненко подсутили. Так что у меня версия, что Путин искренне на какое-то время поверил, что Политковскую убили какие-то чеченцы в Москве по заказу из Лондона. Заказал Березовский, а организовал Литвиненко. У Путина действительно конспирологический склад ума. Эта теория отчасти подтверждается дальнейшими событиями – тем, с какой яростью Кадыров мочил всех своих соперников, начиная с Мовлади Байсарова и кончая братьями Ямадаевыми. Ну и, наконец, возвращаясь к вашему вопросу, почему Саша был так беспечен. У людей, чья работа связана с риском для жизни, притупляется чувство опасности. Риск становится частью повседневной рутины. Может быть, и в этом было дело в случае с Сашей.

Роман Цепов, умерший в 2004 году от болезни с теми же симптомами, что впоследствии проявились у Литвиненко

Из книги «Саша, Володя, Борис...»: «Как отдаются высочайшие приказы об убийстве? Из истории мы знаем, что главная забота августейших заказчиков в таких ситуациях – обеспечение «отрицаемости», то есть отдача приказа в такой форме, чтобы всегда можно было уклониться от конкретной индивидуальной ответственности; ведь у находящегося на вершине особое положение: он-то не сможет в случае чего сказать, что «действовал по приказу».

– Вы знали лично не только Литвиненко, но и Лугового. В книге вы пишете, что на юбилее Березовского сидели за одним столом с обоими. Со стороны Луговой кажется недалеким, неумным человеком. Это, по-моему, оптический обман. И его роль в окружении Березовского неясна. Что вы можете сказать о нем?

– Луговой был верный слуга. Только не Березовского, а Бадри Патаркацишвили, потому что в их совместном бизнесе Березовский был идеологом, а Бадри – управляющим, и за безопасность отвечал Бадри, а Луговой был руководителем службы безопасности ОПР. Березовский – человек многогранный. В его окружении есть люди всех сортов – начиная чистейшими людьми и кончая чекистами и бандитами. Мне никогда не нравились бывшие кагэбешники. Я и к Саше поначалу очень настороженно относился. Но, тем не менее, Луговой мне нравился. Он был симпатичный, веселый и абсолютно лояльный. Нормальный, высокопрофессиональный начальник охраны. Поэтому ему доверяли.

Бадри не верил, что Луговой сам пошел на убийство. Он говорил, что если это и так, то Луговой это сделал не от хорошей жизни, что его вынудили и что делал он это без всякого энтузиазма. Он был уверен, что его или заставили, или использовали втемную. Не зная, какие у англичан есть улики против Лугового, спорить с этим мнением трудно. Я, как и Бадри, не верю, что он все время стучал, писал доносы. Просто, видимо, его вызвали и сказали: либо – либо. И ему ничего не оставалось делать. Хотя есть и другая точка зрения, противоположная. Это точка зрения Глушкова. *(Николай Глушков – бывший замгендиректора «Аэрофлота». В 2001 году находился под арестом по обвинению в хищениях и отмыванию денег. При содействии Лугового совершил неудачную попытку побега. Луговой за участие в организации побега был приговорен к непродолжительному лишению свободы. – В. А.)* Глушков на

Михаил Трепашкин утверждал, что предупреждал Литвиненко об опасности

слова Бадри о том, что Андрея, наверно, заставили, отвечал, что на нем пробы ставить негде, что он всегда был провокатором, что побег он подстроил, нигде он не сидел и с самого начала был такой-сякой. Эти два человека, которые очень близки к Березовскому, так и остались каждый при своем мнении.

– Когда Луговой начал делать истерические заявления, устраивать пресс-конференции, создавалось впечатление, что он делает все это со страху...

– Конечно же, они тогда испугались, это было видно. Мы тоже испугались. Когда англичане сказали, что это обычное уголовное преступление и никакой политики за этим нет, я, честно говоря, думал, что следующим номером программы будет признание Лугового, что он работал на Березовского. И тогда бы мы все горели синим пламенем. Все получалось очень складно: Березовский поручил Луговому отравить полонием Литвиненко, чтобы подумали на Путина. Мы предполагали, что выдавать его не будут, а заставят сделать признание и куда-нибудь спрячут или убьют. И видно было, что они этого тоже боялись.

Из книги «Саша, Володя, Борис...»: «И тут, надо отдать ему должное, он совершил отчаянный и удивительно хитрый маневр – он объявил, что Литвиненко и Березовский работают на британскую разведку и пытались завербовать его! Этот упреждающий ход сделал Лугового совершенно не пригодным для роли «расколовшегося» контрабандиста радиоактивных материалов или киллера на службе у Березовского. Теперь заставлять его признаваться не имело никакого смысла».

– Мне тогда казалось, что он несет этот бред только чтобы напоминать о себе.

– Совершенно верно. Все это продолжалось до определенного момента – пока не выступил Путин и не обвинил англичан в колониальном мышлении. Вот когда Владимир Владимирович сказал на встрече с активистами «Наших», что англичанам надо мозги поменять, а Россия, слава богу, не колония, Луговой понял, что его не сдают. И он совершенно изменился. Вот тут он стал политиком, пошел в ЛДПР, стал кричать, что он честный русский офицер.

– Когда он давал пресс-конференции, мне показалось, и я написал об этом, что для него наилучшим выходом была бы добровольная явка в британский суд.

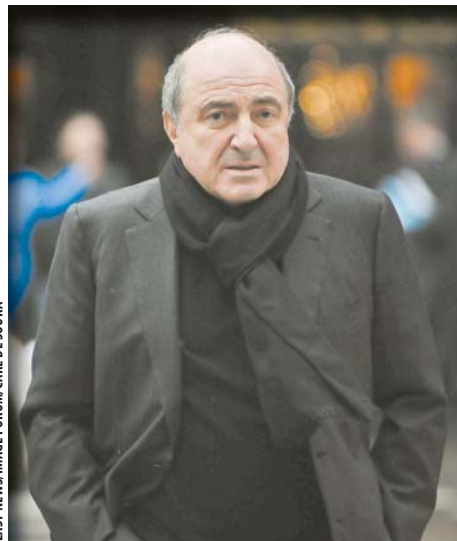
– Ну да. Он был неуверен, ему не давали сигнала, что с ним будет. Ведь когда

его посылали, ему сказали, что его никогда не поймут. А англичане поймали, и он не был уверен, что его не скинут, как сгоревший ресурс. Но получилось точно так же, как с Кадыровым, когда Путин вопреки всему своему силовому окружению его поддержал. Так и теперь Путин пошел против здравого смысла и вместо того, чтобы сделать из Лугового агента Березовского, занял принципиальную позицию и сказал: нашего не сдадим, мозги англичанам надо менять. Молодец.

– Вы утверждаете, что Березовский жалеет и даже раскаивается в том, что способствовал назначению Путина премьерником. Он по-прежнему считает, что Примаков был бы хуже?

– Ну, об этом лучше у него самого спросить. Когда его прижимают, он говорит: ну да, Примаков был бы, конечно, хуже. Но, в общем он, конечно, лоханулся, скажем прямо. Он знает, что ошибся, и что это была главная ошибка его жизни. Да, Примаков был бы хуже, но были и другие варианты. Суть-то не в том, кто хуже, а кто лучше. В результате получилось то же самое. Ошибка была психологическая. Они точно знали, что Примакова контролировать не удастся. На него где сядешь, там и слезешь, он это доказал не раз. У него была совершенно четкая позиция политическая, это фигура позднего советского застоя. А у Путина не было никакой своей политической философии, кроме той, что он был лоялен начальству. И они решили, что он будет им служить бесконечно и делать то, что они говорят. Но произошла известная метаморфоза: как только человек получает власть, он меняется. Тот Путин, которого они выбирали, – это совсем не тот Путин, которого они получили.

Из книги «Саша, Володя, Борис...»: «Борис после смерти Саши странным образом успокоился. Он сделал все необходимое, чтобы обеспечить будущее Марины и Толика *(сын Александра и Марины Литвиненко. – В. А.)*, сказав: «Вы для меня теперь как члены семьи». Но потерял всякий интерес к продолжению кампании по «разоблачению путинского режима». Похоже было, что Путин вообще перестал его интересовать...»

Борис Березовский «после смерти Саши странным образом успокоился»

Анютинны глазки, или

ШПИОНСКАЯ ИСТОРИЯ, КОТОРАЯ ПОНАЧАЛУ ПОХОДИЛА НА ПАРОДИЮ, НА САМОМ ДЕЛЕ, ВОЗМОЖНО, — ЛИШЬ ВЕРХУШКА ГРАНДИОЗНОГО АЙСБЕРГА.

А ТО И ПРИКРЫТИЕ РЕАЛЬНОЙ И ЭФФЕКТИВНО ДЕЙСТВУЮЩЕЙ В США РОССИЙСКОЙ РАЗВЕДСЕТИ

■ Владимир АБАРИНОВ

Публикация 2010 года

Одновременный арест в США сразу 10 агентов российской разведки породил фурор по обе стороны океана. И в Америке, и в России закричали о возвращении к методам холодной войны. Особенно всех возмутил тот факт, что разоблачение шпионской сети произошло сразу после визита Дмитрия Медведева. Выходит дело, русским верить нельзя! — говорили в США. А в Москве привычно твердили о неких реакционных «кругах» и «силах», ведущих подкоп под политику «перезагрузки». Успокоившись, в обеих странах стали говорить, что это не шпионаж, а какой-то фарс. Да ведь всякий шпионаж — в значительной мере фарс, оперетта и мыльная опера. В героическую сагу его превратили сами шпионы.

Похожий на раскрытую книгу многоквартирный дом, в котором жили Патриша Миллз и Майкл Зотолли, они же Наталья Переверзева и Михаил Куцук, хорошо виден с моего балкона. Мы ходили за продуктами в один и тот же супермаркет, играли в теннис на одних и тех же кортах, а через три года их старший сын пошел бы в ту же начальную школу, в которую ходила моя дочь.

Ничего удивительного тут нет: в Вашингтоне и его ближайших пригородах концентрация шпионов, бывших и действующих, такова, что с ними сложно не столкнуться, просто не всякий знает их в лицо. Здесь есть Международный музей шпионажа, в котором подвизаются отставные рыцари плаща и кинжала, автобусные экскурсии по местам шпионской славы и букинистический магазин, специализирующийся на книгах по истории разведки, где собираются покаялять ветераны невидимого фронта. Осенью 1994 года мы с женой приехали в Вашингтон, вышли утром из отеля — и первым же прохожим, который шел нам навстречу, оказался Олег Калугин. Он меня узнал, но виду не подал, только сердито зыркнул исподлобья. А однажды в моем доме познакомились бывший сотрудник ЦРУ и отставной полковник ГРУ — когда-то они работали друг против друга, но никогда прежде не встречались.

Соседи арестованных агентов, на которых за неимением других объектов набросилось телевидение, ахают, изумляются — мол, совсем были не похожи на шпионов, и вот надо же! — но воспринимают свое соседство с ними скорее как курьез, нежели как источник опасности. Это, конечно, нормальная, здоровая реакция, ничего похожего на угрюмую шпиономанию конца 1940-х — 1950-х годов. А то обстоятельство, что шпионы не были похожи на шпионов, говорит в их пользу — хорошо маскировались. Впрочем, шпионаж — это такое ремесло, в котором личина прирастает к лицу. Скажем, среди арестованных есть три семейные пары. Прокуроры упорно называют эти браки фиктивными, но ведь дети, родившиеся от этих браков, настоящие.

Развязка этой истории и разные колоритные подробности личной жизни обвиняемых опубликованы, но вот с чего она началась — неизвестно и вряд ли станет известно широкой публике. А это-то и есть самое интересное. С какой стати эти люди навлекли на себя подозрения ФБР?

Поскольку связь с агентами поддерживали главным образом сотрудники нью-йоркской резидентуры СВР, работающие под крышей российского постоянного представительства при ООН, есть все основания предположить, что сеть эту раскрыл перебежчик Сергей Третьяков, который был заместителем резидента в звании полковника.

Хозяин кошки Матильды

В октябре 2000 года Третьяков вместе с женой Еленой, дочерью Ксенией и кошкой Матильдой исчез из своей служебной квартиры в Бронксе. Лишь 31 января 2001 года американские власти заявили, что Сергей Третьяков находится на территории США, жив-здоров и в Россию возвращаться не собирается. Спустя 10 дней в New York Times появилась статья, в которой со ссылкой на источник в правительстве США утверждалось, что беглец — не дипломат, а сотрудник разведки. Российская сторона тотчас потребовала консульской встречи с перебежчиком, дабы убедиться, что его не удерживают силой. По-видимому, такая встреча была организована — во всяком случае, требование больше не повторялось, история быстро заглохла. Это в полной мере отвечало интересам обеих сторон.

Семейство Третьяковых стало жить в США под другими именами — только кошка имени не сменила. В феврале 2008 года вышла в свет книга Пита Эрли «Товарищ Ж», повествующая о перебежчике с его собственными словами. Ради рекламной кампании Третьяков на короткий срок вышел из подполья и дал несколько интервью. А потом снова лег на дно и позывных не передает. Специалисты оценили опус Эрли скептически. Один из самых авторитетных экспертов, Дэвид Уайз, написал в своей рецензии: «Все перебежчики имеют склонность преувеличивать свое значение — их беспокоит мысль о том, что когда секреты у них кончатся, они станут никому не нужны».

Уайз считает побег Третьякова попыткой компенсировать репутационный ущерб, нанесенный российскими «кротами» Олдричем Эймсом и Робертом Хансеном, однако Третьяков явно уступает в ценности этим двум агентам. С другой стороны, известно, что Третьяков получил рекордное вознаграждение — более двух миллионов долларов. «Я никогда не просил ни цента у американского правительства, — утверждал Третьяков в предисловии к книге. — Когда я решил помочь США, я ни разу даже не заикался о деньгах. Все, что я получил, было дано мне правительством США по его собственной инициативе».

Именно после его побега ФБР начало следить за членами раскрытой ныне агентурной сети. Учитывая осведомленность Третьякова, совпадением это назвать сложно.

Шпионка нового поколения

Слежка была поставлена высокопрофессионально. Подозреваемые оказались плохими конспираторами и, судя по всему, дилетантами. Они не предполагали, что за ними не только ведется наружное наблюдение, не только записываются их разговоры, как по телефону, так и в доме, между собой, но что фэбээровцы, снабженные судебным ордером, тайно проникают в их жилища, копируют жесткие диски их компьютеров и шифровальные блокноты, перехватывают и читают их радиogramмы и электронные донесения в Центр.

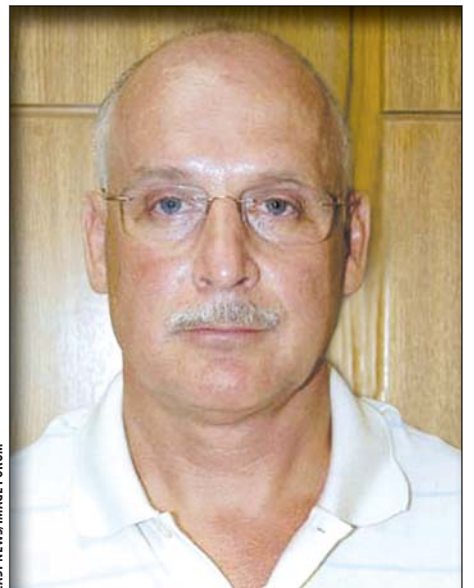
Американская контрразведка давно не собирала столь обильный урожай. Это была сеть агентов-нелегалов — не завербованных, а подготовленных и засланных с долгосрочной целью «глубокого погружения», с легендами и чужими, не фальшивыми, а подлинными документами. В 1930-е годы нелегалы были основным орудием советской разведки, ее главным ресурсом. В данном случае СВР вернулась к прежней практике, но на совершенно ином, более высоком и сложном уровне. Кем был руководитель нью-йоркской нелегальной резидентуры в 1950-е годы Вилли Фишер, он же Рудольф Абель? Скромным фотографом, владельцем маленького фотоателье. Свои микроплёнки он прятал в полых болтах, монетах и карандашах и передавал в Центр, закладывая в тайники.

В наше время шпионы не прячутся по темным углам, не заводят себе заурядную внешность и не распиливают пятаки в чулане. 28-летняя рыжая бизнесвумен Анна Чапман, которую таблоиды превратили в новую Мату Харри, наоборот, всячески стремилась привлечь к себе внимание, вращалась в кругу лондонских и нью-йоркских плебеев-миллиардеров, имела свое маленькое, но крепкое дельце стоимостью в два миллиона долларов и при этом нисколько не скрывала свою биографию: уроженка Волгограда, выпускница Российского университета дружбы народов, который издавна был кузницей кадров для КГБ. В целях обзаведения связями она активно использо-

Смерть по расписанию

FOTOBANK/GETTY IMAGES

EAST NEWS/IMAGE FORUM

Среди агентов, арестованных американскими спецслужбами – 28-летняя бизнесвумен Анна Чапман (фото на стр. 16), которая вращалась в кругу лондонских и нью-йоркских плейбоев-миллиардеров; Ричард и Синтия Мерфи (внизу), заядлые садоводы – их гортензии, говорят, были шедеврами ботаники; супруги Миллс и Зотолли, которые оказались Натальей Переверзевой и Михаилом Куциком (на рисунке внизу они в федеральном суде 1 июля 2010 года). Вверху: 54-летний Кристофер Метсос, судя по всему, наиболее серьезный из всех агентов, выполнявший функции финансиста. Ему единственному удалось избежать ареста

вала социальные сети и в одной из них, Facebook, разместила среди прочих картинок свой портрет в пионерском галстуке. Штирлиц пришел бы в ужас от одной мысли об этом! Правда, по возрасту Аня как будто не могла быть пионеркой, но тем интереснее – значит, повязала галстук для фана. Да, это шпионка нового поколения.

Надо признать, что ажиотажу вокруг Анны немало способствовало и само ФБР. В шпионских историях самое интересное – не предмет шпионажа, а антураж. Ну, какая, в самом деле, разница, какие именно секреты добывала Мата Хари? Важно то, что она куртизанка, артистка, обольстительница – вот это публика любит. И, разумеется, про всякие шпионские уловки тоже любопытно почитать. Органы это понимают. И предъявляют товар с самой выгодной стороны.

Наисовременнейшим был и способ ее связи с Центром. Никаких тайников – все донесения передавались с ноутбука агента на ноутбук сотрудника резидентуры при помощи закрытой беспроводной сети. Связь устанавливалась на краткое время сеанса. Но, видно, недаром российский «крот» в контрразведке ФБР Роберт Хансен, специалист по компьютерам и современным средствам коммуникации, твердо отклонил предложение вашингтонской резидентуры КГБ пользоваться более продвинутыми способами связи и настоял на старомодных тайниках. Агенты ФБР засекли Аютины послания с помощью доступного любому желающему прибора. Сеансы связи всегда проходили по средам. Аня раскрывала свой ноутбук, сидя в кафе или книжном магазине, а мимо проезжал на машине или просто прогуливался неподалеку с кейсом в руке дипломат из российского постпредства при ООН, установить личность которого не составило труда.

Эти сеансы были крупнейшей ошибкой и нарушением правила конспирации, которое гласит: разведчики под официальным дипломатическим прикрытием не должны иметь никакого отношения к нелегалу. В каждой стране у Лубянки всегда было две резидентуры: одна легальная, другая – нелегальная.

Всего с января по июнь этого года было зафиксировано десять таких сеансов. В одном случае связник, выехав из ворот миссии и обнаружив за собой хвост,

DANA VERKOUTER/ENAP

повернул обратно. А потом наступила развязка. Анна забыла булгаковскую заповедь «Никогда не разговаривайте с неизвестными».

Русский человек на randevу

26 июня в 11 утра ей позвонил незнакомый мужчина, говоривший по-русски, назвался сотрудником российского консульства и заявил, что им необходимо срочно встретиться. Анна перезвонила ему через полтора часа и сказала, что может встретиться только на следующий день. Незнакомец согласился, но спустя час Анна передумала – встреча была назначена на половину пятого пополудни в кафе на Манхэттене. Чтобы не обращать на себя внимания, перешли на английский.

«Как вообще дела? Как работаете?» – спросил неизвестный. Для срочной встречи вопрос прозвучал несколько странно. «Все отлично», – ответила Аня. – Вот только связь барахлит». И добавила: «Прежде чем я смогу говорить, мне нужна кое-какая дополнительная информация». «Я работаю в том же управлении, что и вы», – успокоил ее мужчина. – А здесь тужусь в консульстве. Зовут меня Роман». Анна успокоилась, а Роман продолжал: «Я знаю, что через две недели вы будете в Москве, там с вами подробно обсудят вашу работу. Я хотел просто узнать, как вообще у вас дела, и поручить вам задание. Вы готовы?» «ОК», – кивнула Аня. «Так вы готовы?» – переспросил Роман. «Блин, да готова же», – подтвердила

она (так в моем вольном переводе звучит по-русски ее реплика «Shit, of course»).

Анна отдала Роману для починки свой лэптоп, а он вручил ей поддельный паспорт, который она должна была передать женщине-агенту на следующее утро, сказал, как она выглядит, дал журнал, который Анне следует держать в руке, и пароль, которым надо обменяться. (Пароль и отзыв были скопированы с реальных, в которых менялись лишь географические названия: «Простите, мы с вами не встречались прошлым летом там-то?» – «Очень может быть, но это было там-то».) Дабы Роман мог удостовериться, что передача паспорта прошла успешно, Анне надлежало вернуться к кафе и прилепить к установленной там карте города почтовую марку, которую ей дал Роман.

Анна прилежно повторила задание. Потом спросила: «Вы уверены, что за нами не следят?» «Вы знаете, сколько времени мне потребовалось, чтобы попасть сюда? – невозмутимо ответил Роман. – Три часа. Но вы, когда станете уходить, будьте осторожны». Последним напутствием незнакомца были слова: «Ваши коллеги в Москве знают, что вы хорошо работаете, и скажут вам это при встрече. Продолжайте в том же духе».

Покинув кафе, Анна стала петлять: зашла в аптеку, оттуда в магазин телефонной компании Verizon, затем в другую аптеку, потом опять в Verizon. Выходя из магазина во второй раз, она выбросила в урну фирменный пакет компании. Его тотчас осмотрели. В пакете обнаружился договор на покупку и обслуживание

сотового телефона, выписанный на вымышленные имя и адрес – Fake Street, что значит «фальшивая улица», упаковка от двух телефонных карт, по которым можно звонить за границу, и нераспакованное зарядное устройство к мобильнику, из чего стало ясно, что Анна купила аппарат для разового употребления.

Наутро на встречу с дамой-агентом она не пришла, марку куда следовало не приклеила. Что было дальше, ФБР не рассказывает, но в тот же день, в воскресенье 27 июня, одновременно сразу в нескольких штатах были арестованы 10 человек. Одному удалось ускользнуть на Кипр, откуда он впоследствии исчез.

Адвокат Анны, Роберт Баум, утверждает, что его подзащитная, получив фальшивый паспорт, позвонила отцу (своему мужу-англичанину она рассказывала, что ее отец служит в КГБ, однако адвокат это отрицает), и тот посоветовал ей сдать паспорт в полицию. В участке ее будто бы и арестовали. На судебном слушании, когда рассматривался вопрос об освобождении под залог, обвинение заявило, что Анна звонила некоему мужчине, который рекомендовал ей сочинить историю, сказать, что ее запугали, а сразу же после визита в полицию покинуть страну. В освобождении под залог Анне Чапман было отказано.

Всего вероятнее, агенты ФБР поняли, что спугнули ее, и приняли решение завершать операцию. Она, собственно, и так близилась к концу – операция-ловушка с участием подставных лиц предназначена для того, чтобы арестовать подозреваемого с поличным. В отличие от Анны, другой член агентурной сети клюнул на приманку и выполнил задание мнимых сотрудников резидентуры.

Не в Пекине, так в Харбине

Этим другим был Михаил Семенко. Он родился и вырос в Благовещенске. Среднюю школу закончил в 2000-м (следовательно, сейчас ему 27-28 лет). Закончил Амурский госуниверситет по специальности «международные отношения». Стажировался в Харбинском технологическом институте. В 2008-м получил степень бакалавра

▶ в католическом университете Сетон-Холл в Нью-Джерси, после чего нашел работу в могучей некоммерческой глобальной организации Conference Board со штаб-квартирой в Нью-Йорке. Организация эта известна ежегодными бизнес-конференциями, собирающими более 12 тысяч топ-менеджеров со всего мира. Годом позже Михаил сменил место работы – он стал сотрудником российского турагентства All Travel Russia и поселился в Арлингтоне. Помимо английского, бегло говорит по-китайски и по-испански, несколько хуже – по-немецки и по-португальски. Его образ жизни был аналогичен образу жизни Анны Чапман: он энергично «вращался в кругах» и ездил на мерседесе S-500.

Сеансы связи он проводил точно так же, как Чапман. В одном из таких эпизодов он сидел в ресторане, а второй секретарь российской миссии при ООН припарковался рядом, но не выходил из машины. Тот же дипломат был в свое время замечен при скрытной передаче «в одно касание» контейнера с информацией другому агенту на железнодорожной станции в Нью-Йорке.

Утром 26 июня Михаилу позвонил человек, произнесший пароль: «Мы не могли встретиться в Пекине в 2004 году?» Семенко ответил отзывом «Возможно, но, по-моему, это был Харбин». В 2004-м он действительно был в Харбине. Договорились встретиться на улице в Вашингтоне в половине восьмого вечера. Звонивший напомнил Семенко, что тот должен иметь при себе опознавательный знак. Встретились, обменялись тем же паролем и направились в близлежащий парк, где сели на скамейку. Обсудили технические неполадки в ходе последнего сеанса связи. Мнимый дипломат спросил Семенко, кто его учил обращению с программой связи. Тот ответил: «Ребята в Центре». Сколько времени продолжалось обучение в Центре? Неделю, но до этого было еще две недели.

Наконец, «дипломат» вручил Семенко свернутую газету, в которой был конверт с пятью тысячами долларов наличными, велел ему следующим утром заложить конверт в тайник в арлингтонском парке и показал план парка с указанием точного места под мостиком через ручей. Семенко все в точности исполнил. Закладка денег снималась скрытой видеокамерой. Ловушка захлопнулась.

Сладкие парочки

Анна и Михаил недавно подключились к шпионской сети, жили под своими собственными именами и не скрывали своих настоящих биографий. Они оставались дилетантами, несмотря на краткосрочную подготовку в Центре. Все прочие были нелегалами. Акцент объясняли смешанным происхождением. В Америке это никого не настораживает. Во всем остальном они жили жизнью типичных американцев. Их дети, судя по всему, даже не догадывались, что у них есть родственники в России.

Супруги из Монтклера, штат Нью-Джерси, Ричард и Синтия Мерфи поселились в США в середине 1990-х годов. Их дом славился в округе своим прекрасным садом – их гортензии, говорят соседи, были просто шедеврами ботаники. Синтия, кроме того, отлично готовила и пекла печенье. Их дочери, Кейт 11 лет и Лайза, девяти, гоняли по окрестностям на своих велосипедах, обожали воскресные семейные завтраки в ближайшем кафе с оладьями и кленовым сиропом и радовали родителей разнообразными успехами в учебе и творчестве. Тот факт, что в жизни их родителей было двойное дно, а зовут их на самом деле Владимиром и Лидией Гурьевыми, стал для них потрясением.

Другая пара обвиняемых, из Бостона, – Дональд Хитфилд и Трейси Фоли (в суде они назывались Андреем Безруковым и Еленой Вавиловой). Они выдавали себя за натурализованных канадцев и жили в США с 1999 года. Он – сотрудник фирмы международного бизнес-консалтинга, она – агент по продаже недвижимости. Оба преуспевали, вращались в кругу университетских преподавателей и деловых людей, жили в прекрасном доме. Старший сын Тим 20 лет учился в престижном столичном Университете имени

ДМИТРИЙ КОРОБЕННИКОВ/«РИА НОВОСТИ»

МИХАИЛ ПИТАЛЕВ/КОММЕРСАНТЪ

Арестованных нелегалов уже через две недели обменяли на нескольких человек, ранее осужденных в России за шпионаж – Игоря Сутягина (на фото слева), Александра Запорожского (вверху) и Сергея Скрипаля (внизу)

Джорджа Вашингтона, младший, 16-летний Алекс, заканчивал школу. Теперь выяснилось, что настоящий Хитфилд, гражданин Канады, умер несколько лет назад. Недопустимый прокол допустила Трейси: в ее депозитном банковском сейфе хранились негативы ее девичьих фотографий на советской пленке «Тасма» Казанского производственного объединения имени Куйбышева.

Супруги Миллс и Зотолли (она говорила, что канадка, он – что американец; в США они появились соответственно в 2003-м и 2001 году) первыми назвали в суде свои подлинные имена и свое гражданство. Насколько можно судить, они сделали это ради своих маленьких дочерей (старшей 3 года, младшей – год), опека над которыми по американским законам на время тюремного заключения родителей должна быть передана другим ближайшим родственникам, а родственники у них в России.

Наконец, пара Вики Пелаес и Хуан Ласаро из предместья Нью-Йорка Йонкерса жили в США уже более 20 лет. Она – перуанка, колумнист одной из крупнейших испаноязычных газет Америки El Diario La Prensa, неумолимый критик американского империализма. Он – профессор политологии на пенсии. Выдавал себя за уругвайца и, как явствует из записанного ФБР диалога супругов, родился в Советском Союзе – он упоминает эвакуацию в Сибирь в военные годы. На следствии выяснилось, что Ласаро – никакой не уругваец, а Михаил Анатольевич Васенков. Если, конечно, это имя настоящее. Ласаро-Михаил признался, что был агентом российской разведки. Возможно, по этой причине прокуроры не стали настаивать на содержании под стражей его жены. Вики Пелаес – единственная из всей группы – была освобождена до суда под залог 250 тысяч долларов, с чем не согласились прокуроры Минюста, которые добивались ее повторного ареста.

Особняком в этой группе стоит 54-летний Кристофер Метсос. Судя по ряду признаков, это наиболее серьезный из всех агентов, выполнявший функции финансиста сети и лавативы в различные страны мира для получения наличных средств. Наличку не передашь по лэптопу, деньги приходилось передавать лично, и на этих передачах засветилось несколько российских дипломатов, в том числе в одной из стран Южной Америки. В США Метсос, живший по канадскому паспорту, бывал наездами. С 17 июня он находился на Кипре в обществе эффективной шатенки, от которой персонал отеля не слышал ни слова, и вел себя как самый обыкновенный турист. Тем временем ФБР объявило его в международный розыск. Метсос, конечно, не мог не узнать об арестах на Восточном побережье США. Рано утром 29 июня он покинул отель и вместе с шатенкой попытался улететь в Будапешт, но был задержан полицейской. К шатенке претензий не было, и она улетела в Венгрию, а Метсос предстал перед судом, который назначил дату слушания дела об экстрадиции, отобрал у него паспорт и отпустил под залог 33 тысяч долларов. После чего Метсос скрылся и, вероятнее всего, уже покинул

ТАСС

остров – возможно, перебравшись на его северную, турецкую половину, а оттуда – в Турцию.

ТАСС уполномочен пошутить

Занятно, что утром в понедельник, когда США еще не проснулись, но на лентах информационных агентств шпионский сюжет уже фигурировал (первые сообщения об арестах появились в понедельник около половины пятого утра по времени Восточного побережья США – в Москве была половина одиннадцатого), Дмитрий Медведев проводил в Горках совещание по вопросу финансирования силовых ведомств. На нем присутствовали и премьер Путин, и директор СВР Михаил Фрадков. Но в присутствии прессы никто из них и словом не обмолвился о заокеанских арестах.

Первый удар принял на себя министр иностранных дел Сергей Лавров, находившийся с визитом в Иерусалиме. Его заявление, сделанное через три часа с минутами после первых сообщений, было сдержанным: подробностей не знаем, ждем разъяснений Вашингтона. Он не преминул съехидничать: «Единственное, что могу сказать, момент, когда это было сделано, выбран с особым изяществом». Надо полагать, министр намекал, что скандал изгадил президентам «перезагрузку». Спустя еще три с половиной часа строгое заявление сделал официальный представитель МИДа. «На наш взгляд, – сказал он, – подобные действия ни на чем не основаны и преследуют неблагоприятные цели. Нам не понятны причины, побудившие американское Министерство юстиции выступить с публичным заявлением в духе «шпионских страстей» времен холодной войны».

После этого заявления в Москве государственные мужи и эксперты-американисты наперебой стали обличать врагов перезагрузки. Они рассуждали о «рецидивах холодной войны», но от этих рассуждений за версту несет замшелой логикой этой самой войны, «окопной правдой» идеологических битв прошлого века. Как же надоели эти заскорузлые обличения «кругов» и «сил», которые норовят испортить такие чудесные отношения, ведут подкоп под дружбу Медведева с Обамой, хотят скомпрометировать

собственного президента! Шедевром своего рода следует признать высказывание эксперта Сергея Ознобичева, который выразился так: «Это играет на руку антиамериканским кругам в нашей стране и в первую очередь антироссийским в Америке для того, чтобы пустить под откос начавшееся улучшение наших отношений, и может притормозить ратификацию договора СНВ, отмену поправки Джексона – Вэника, а также может сказаться на нашем вступлении в ВТО».

Эти люди всерьез верят, что американская контрразведка должна позволить агентам СВР шпионить и дальше, коль скоро отношения улучшаются?

Но к вечеру воинственный тон комментариев сменился на иронически-снисходительный. Его задал Владимир Путин, принимавший в Ново-Огареве Билла Клинтона. Премьер мило пошутил: «В Москву ты в самое нужное время приехал: что-то у вас там полиция разгулялась, людей в тюрьмы сажают». «Клинтон смеется» – гласит ремарка официальной стенограммы.

Сообщение появилось на ленте ИТАР-ТАСС в 17:56. Тут все поняли, что инциденту решено не придавать значения. В 19:35 МИД опубликовал новое заявление, выдержанное в миролюбивом тоне, а прежнее с новостной ленты МИДа исчезло. В этом втором заявлении мне больше всего понравилось вот это: «Исходим из того, что им будет обеспечено нормальное обращение в местах их содержания, а также что американские власти гарантируют доступ к ним консульских сотрудников России и адвокатов». И впрямь: почему бы, раз «перезагрузка», не пустить к ним тех самых дипломатов, которые передавали им деньги и снимали информацию с лэптопов?

Вполне очевидно, что к тому времени, когда журналисты в Вашингтоне начали терзать вопросами пресс-секретарей Белого дома и Госдепартамента США, правительства США и России уже договорились воздержаться от неприятных взаимных мер. Оба должностных лица с уверенностью заявили, что отношений эта история не испортит и что выдворения дипломатов ни из США, ни из России не будет. Пресс-секретарь Барака Обамы Роберт Гиббс сообщил, кроме того, что президенту докладывали об этом деле несколько раз. Тем самым он опроверг популярную в России версию, что действия ФБР – это происки реакционных сил, «подставляющих» Барака Обаму. Обама знал об операции ФБР заранее.

Сейчас уже известны – правда, от анонимных источников – дополнительные детали того, как принималось политическое решение об аресте и обмене. Советники президента узнали о существовании российских нелегалов в феврале. Представители ФБР, ЦРУ и Министерства юстиции проинформировали их в общих чертах о ходе операции и кратко охарактеризовали каждый объект слежки. В дальнейшем старшие должностные лица аппарата Белого дома еще несколько раз собирались на совещания по этому поводу. Президента Обаму поставили в известность 11 июня. Контрразведка заявила о своем намерении арестовать агентов. Последовало подробное обсуждение этих планов и в первую очередь вопроса о том, что произойдет после арестов.

Никакого решения в тот раз принято не было.

Высокопоставленные чиновники, уже без президента, еще несколько раз возвращались к этой теме на своих совещаниях под председательством советника президента по внутренней безопасности и контртерроризму Джона Бреннана. Российская реакция представлялась трудно предсказуемой. В качестве одного из вариантов сценария проговаривался обмен.

Махнем, но глядя!

Шпионские обмены вошли в практику холодной войны в феврале 1962 года, когда США обменяли отбывавшего 30-летнего заключение полковника Вилли Фишера, назвавшегося при аресте Рудольфом Абелем, на пилота U-2 Гэри Пауэрса. В дальнейшем разменными фигурами становились не только шпионы, но и совет-

ские диссиденты. Иногда, чтобы спешно выволочь своего разоблаченного шпиона, Москва специально арестовывала американца и объявляла его шпионом. Именно это произошло в сентябре 1986 года с американским журналистом Николасом Даниловым. К нему подослали провокатора, а когда тот на улице передал Данилову пакет с бумагами, журналиста арестовали «с поличным».

Обмен Данилова на сотрудника советской разведки Геннадия Захарова стал последней сделкой такого рода. Оба случая – Пауэрса и Данилова – я подробно описывал в «Совершенно секретно» со слов непосредственных участников событий. Если переговоры об обмене Абель – Пауэрс длились полтора года, то об обмене Захаров – Данилов договорились за две недели. Схему отработали, но для нынешнего случая она не вполне годилась: сделки холодной войны были обмена военнопленными. А теперь стороны не воюют, а вроде как сотрудничают. Стоит ли принародно хватать за руку гостя, ворующего серебряные ложки из буфета? Не лучше ли отвести его в сторонку и решить вопрос по-тихому, не вгоняя в краску ни его, ни себя? Но в том-то и штука, что в Вашингтоне не было уверенности, что Москва хотя бы слегка покраснеет, а не закатит истерику.

В ожидании решения политического руководства ЦРУ и Госдепартамент набросали список кандидатов на обмен. Оказалось, меняться особенно не на кого – у Москвы просто нет достаточного «обменного фонда». Предложение о гуманитарных соображениях, о включении в список политзаключенных, вроде Михаила Ходорковского или Зары Муртазалиевой, было отвергнуто с самого начала. Основным критерием отбора стало наличие обвинения в шпионаже, реальном или мнимом. Но было бы нелепо добиваться от Москвы лиц, осужденных за шпионаж в пользу какой-то третьей страны. По этой причине в списке не оказалось ни Игоря Решетина, ни Валентина Данилова – ученых, отбывающих заключение по обвинению в шпионаже в пользу Китая. Оставалось трое: бывший полковник СВР Александр Запорожский (его дело я опять-таки подробно разобрал на страницах газеты), бывший полковник ГРУ Сергей Скрипаль и Геннадий Василенко – бывший майор внешней разведки РФ.

Василенко – наиболее интересная фигура из всех троих. В России о нем известно крайне мало, в США – чуть больше. В 1970-1980-е годы он работал в Вашингтоне и в Латинской Америке и пытался завербовать сотрудника ЦРУ Джека Платта. В свою очередь Платт, известный как выдающийся вербовщик, пытался завербовать Василенко и даже однажды пришел на встречу с ним с кейсом, набитым наличными долларами. Ни тот, ни другой не добились успеха (по крайней мере, это утверждает Платт), но подружались, встречались семьями, вместе занимались спортом. Однажды Василенко пропал. Оказалось, его вызвали в Гавану на совещание, а там арестовали и доставили в Москву, в Лефортовскую тюрьму. Впоследствии выяснилось, что его сдал Ханссен, однако Ханссен, по словам Платта, ошибся. Василенко провел за решеткой полгода. Вину его доказать не удалось, и его отпустили на свободу, но уволили из органов.

Василенко поступил на службу в телекомпанию «НТВ-Плюс» замначальника службы безопасности. В августе 2005 года он был арестован по новому обвинению. Первоначально ему вменялась организация покушения на гендиректора «Мострансгаза» Алексея Голубничего (Голубничий не пострадал). Это обвинение не подтвердилось, но при обысках у Василенко нашли незаконное оружие и компоненты взрывных устройств. За это, а также за сопротивление сотрудникам милиции он был осужден в 2006 году. Его срок лишения свободы истек в 2008 году, за что ему добавили новый – неизвестно. Сразу после ареста в защиту Василенко высказался ветеран внешней разведки, бывший резидент в Вашингтоне полковник Виктор Черкашин. «Я знаю Василенко очень давно, и происшедшее для меня полная неожиданность», – сказал он в интервью газете «Время новостей». – Я

сомневаюсь, что он стал бы участвовать в такой сомнительной затее. Он взрослый и очень ответственный человек, увлеченный своей работой».

К Василенко, Скрипаль и Запорожскому присовокупили бывшего сотрудника Института США и Канады Игоря Сутягина – включение его имени в список выглядело оправданным с формальной точки зрения и в неявной форме вносило тот самый гуманитарно-правозащитный акцент. Из всех четверых только Скрипаль признал себя на суде виновным в работе на британскую разведку.

С президентом Обамой вопрос последний раз обсуждался на заседании Совета по национальной безопасности 18 июня, за шесть дней до визита Медведева.

Время арестов было оставлено на усмотрение ФБР. Президент, как утверждают источники, в это решение не вмешивался. По словам анонимов, развязку ускорило намерение одного из нелегалов покинуть страну – это лицо заказало билет в Европу на вечер того дня, когда были проведены аресты. Всего вероятнее, речь идет об Анне Чапман, которую насторожила встреча с мнимым связником.

Как по маслу

Как ни пытались в Вашингтоне просчитать возможные действия Москвы, первоначальное заявление МИДа о том, что он знает не знает никаких русских шпионов, подействовало на американцев, отсрочивших за операцию, как удар бухом по голове. Директор ЦРУ Леон Панетта понял, что надо что-то делать, и позвонил директору СВР Михаилу Фрадкову. В результате к концу дня и произошла метаморфоза в позиции Москвы. Российской стороне был немедленно направлен список четырех кандидатов на обмен. Москва очень быстро ответила согласием.

РИСУНОК ВАДИМА МИСЮКА

Параллельно прокуроры вступили с адвокатами обвиняемых в переговоры относительно досудебной сделки. Именно в расчете на такую сделку арестованным не предъявлялось обвинение в шпионаже. Они обвинялись в том, что не зарегистрировались, как полагается, в качестве агентов иностранного правительства (агент в данном случае – не обязательно шпион), и в том, что отмывали деньги. Осталось неясным, идет ли речь об их шпионских гонорах или о каких-то иных, гораздо более крупных суммах. По первому пункту обвинения причисляется до пяти лет лишения свободы, за отмывание – до 20. Переговоры шли о признании вины в менее тяжком преступлении в обмен на отказ прокуроров предъявлять более тяжкое обвинение.

Уговорить обвиняемых оказалось нелегко. Провалившиеся агенты, к тому же вросшие в американскую почву, желали знать, что с ними произойдет на родине, иметь гарантии обеспеченного буду-

щего, поскольку вся их собственность в США подлежала конфискации. Волновала их и судьба несовершеннолетних детей. Именно по этой причине Россия признала их своими гражданами и направила на встречу с каждым сотрудника консульства. Сложнее всего было с Вики Пелаес, не имеющей российского гражданства. Ей были обещаны бесплатная квартира и 2000 долларов ежемесячной «стипендии».

Российская сторона решила оформить освобождение своих узников через помилование. По Конституции президент имеет право помиловать осужденных преступников по собственному усмотрению. Однако в целях спасения лица от заключенных потребовали подписать прошения с признанием вины. Наиболее сложным это решение было для Игоря Сутягина, уже отбывшего 11 из 15 лет лишения свободы.

Ключевым элементом соглашения была договоренность о том, что Москва не предпримет ответных мер, полагающихся «по протоколу», то есть не потребует отъезда американских дипломатов. Что касается российских дипломатов, исполнявших функции связников с агентами, то им, скорее всего, предложено тихо уехать.

Панетта и Фрадков говорили друг с другом трижды, последний раз – 3 июля. Когда все принципиальные вопросы были решены, приступили к планированию операции обмена.

8 июля во второй половине дня все 10 обвиняемых признали себя виновными в том, что не зарегистрировались в Минюсте США как агенты иностранного правительства. Ознакомившись с условиями сделки, судья Кимба Вуд (в свое время Билл Клинтон прочил ее на пост министра юстиции) утвердила ее и приговорила каждого обвиняемого к лишению свободы на срок, уже отбывший ими в качестве предварительного заключения. В тот же день Дмитрий Медведев подписал указ о помиловании Запорожского, Скрипаль, Василенко и Сутягина.

9 июля во втором часу дня по московскому времени (в четвертом часу утра по Вашингтону) в международном аэропорту Вены приземлились сначала Як-42 МЧС России, а затем «боинг», арендованный ЦРУ. Пилоты вырулили на отдаленный участок поля, обменялись пассажирами и легли на обратный курс. Несовершеннолетние дети нелегалов были доставлены в Россию ранее. «Боинг» на обратном пути сел на базе Королевских ВВС Брайз-Нортон, где борт покинули Скрипаль и Сутягин. Василенко и Запорожский продолжили путь в США. Запорожский возвращался домой – в США у него дом, жена и трое детей.

Мгновенная готовность, с какой Россия отреагировала на предложение об обмене, свидетельствует о ценности арестованных агентов и стремлении Москвы обеспечить их молчание.

Но в чем же их ценность, коль скоро никаких существенных секретов они не добыли? Более того – втирали очки и морочили голову своим руководителям, выдавая за военную тайну сведения из открытых источников. Выходит дело, Москва тратила деньги на дармоедов, ставших легкой добычей ФБР, где в свою очередь тоже сидят дармоеды, которым лишь ловить настоящих шпионов? Над этим уже власть поиздевались разные остроумные кумулисты и профессиональные юмористы.

Во-первых, прокуроры огласили лишь малую толику имеющихся материалов – ровно столько, чтобы хватало для предъявления обвинения в суде. Во-вторых, вряд ли в наше время российской разведке приходится экономить деньги, а расходы на содержание разоблаченной группы были совсем не астрономическими. В-третьих, агенты и впрямь со-

бирали слухи, сведения о настроениях в администрации США и в американском экспертном сообществе по тем или иным вопросам международной политики, но именно таковы были задания, которые они получали от Центра.

Здесь есть психологический нюанс, на который указал в одном из своих интервью Сергей Третьяков: «Мы традиционно не верили информации, опубликованной в иностранной прессе. Не потому, что она неверная, а потому что она открытая. Мы верили только разведанным – эта информация секретная и более точная. И потому спрос на разведанные в нынешнем российском правительстве, вероятно, выше, чем он был при советской власти, поскольку в то время не так много выходцев из КГБ находились у власти в России». И далее Третьяков рассказал о разговоре, который имел место в августе 2000 года в Нью-Йорке между директором Федеральной службы охраны РФ генералом Евгением Муровым, который приехал готовит визит президента Путина, и тогдашним постпредом РФ в ООН Сергеем Лавровым: «Он говорил так: «Хочу напомнить вам, что г-н Путин полагается на информацию, которую добывают эти ребята (и показал на нас). Поддерживайте их и всячески облегчайте им жизнь».

Такова психология нынешней российской власти: любая информация становится ценной, если получена по каналам разведки.

Эпилог после развязки

Вырученных из американской неволи агентов ждет, вероятно, сносное существование в России, однако не более того. Национальными героями им стать не суждено: пресса превратила их в карикатуру. Ставшая звездой желтой прессы Анна Чапман намерена поселиться в Великобритании (у нее, помимо российского, есть британское гражданство), но и там она не сможет конвертировать свою историю в звонкую монету: по условиям сделки с американским правосудием, все доходы от коммерческого использования этого сюжета поступят в казну США.

От заключительного заявления российского МИДа отдают кафианской логикой. «Данная договоренность, – сказано в нем, – дает основания рассчитывать, что курс, согласованный руководством РФ и США, будет последовательно реализовываться на практике и что попытки сбить в стороны с этого курса не увенчаются успехом». Получается, «перезагрузка» – это взаимное обязательство сторон не чинить препятствий шпионам, а если они попались, быстро меняться.

Лично мне вся эта история с самого начала не казалась такой легковесной. А что если шпионы одурачили ФБР, спрашивал я себя, если их роль состояла в отвлечении внимания от действительно важных агентов? Оказывается, я не одинок в этих сомнениях. Виктор Островский, бывший сотрудник израильской разведки Моссад и автор книг-бестселлеров, в интервью Washington Post говорит, что это просто немыслимо – не заметить за собой такой слежки, какой обложило подозреваемых ФБР. «Но если за тобой следят, а ты перестал шпионить – ты спалился», – продолжает он. Получается, агенты имитировали активность, нарочно наговаривали на себя в скрытые микрофоны и прятали в депозитных сейфах картинку из своего советского детства. С этим вполне согласен ветеран американской разведки, не пожелавший, чтобы газета назвала его по имени. Пресловутая десятка, говорит он, – лишь «верхушка айсберга».

И наконец, возможно, самое неожиданное, эпилог после развязки. 13 июня в своем доме во Флориде – по заключению врачей, от сердечного приступа – умер Сергей Третьяков. Ему было всего 53 года. Сообщение о его смерти было опубликовано лишь 9 июля. Как раз в день обмена.

Самое удивительное из удивительных совпадений, метаморфоз и деталей этой истории. Если, конечно, слово «удивительное» здесь уместно.

Защита снайпера

**ТУРАГЕНТ И СОВЕТНИК БАНКИРОВ, ТОРГОВЕЦ
ЗОЛОТОМ И ПУШНИНОЙ, ПРИВАТИЗАТОР АЛМАЗНЫХ
ПРИИСКОВ И ВОДИТЕЛЬ, АВТОСЛЕСАРЬ
И РЕСТОРАТОР, ТОРГОВЕЦ ЗАПЧАСТЯМИ
И БЕНЗИНОВЫЙ КОРОЛЬ, ВОЕННЫЙ ПРОМЫШЛЕННИК,
И, НАКОНЕЦ, ПРАВОЗАЩИТНИК, АКТИВИСТ-ВETERАН
И ПРАВОСЛАВНЫЙ СПОНСОР-БЛАГОТВОРИТЕЛЬ,
ГЕНДИРЕКТОР КРУПНОГО ОБОРОННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ...
КТО ВЫ, ДМИТРИЙ БАРАНОВСКИЙ?**

■ **Вениамин БЫКОВ**

Публикация 2010 года

Когда 27 августа 2009 года Дмитрия Барановского взяли под стражу по подозрению в вымогательстве, у многих из тех, кто его знает, это вызвало шок. Ведь занимал Барановский должность значимую: первый заместитель генерального директора серпуховского РАТЕП – радиотехнического предприятия, одного из крупнейших оборонных в стране. РАТЕП, составная часть мощнейшего концерна ПВО «Алмаз-Антей», выпускает системы управления корабельными зенитными комплексами, ракетными и артиллерийскими. А еще Дмитрий Роальдович Барановский – вице-президент компании «Сигма-консалтинг» и заместитель председателя совета московского городского отделения «Боевого братства». Может быть, потому, даже ожидая своей участи в Лефортово, он продолжает активно действовать в свою защиту, угрожая свидетелю и даже следователю, ведущему уголовное дело.

Личность Дмитрия Барановского в некоторых кругах окутана флером определенной романтики и считается чуть ли не легендарной. Даже известные фрагменты его не особо публичной деятельности – сюжет для написания детективного романа и киносценариев. Пока пишут лишь протоколы допросов и статьи.

Статей много, и разоблачительных, и защитительных. Разоблачители называют Барановского эффективным рейдером. Защитники – эффективным менеджером, «спасителем оборонки». Вот только никаких примеров этому не приводят. Горой за Барановского встали руководители некоторых ветеранских организаций «афганцев» – в свое время Дмитрий служил в Афганистане. Межрегиональная общественная организация содействия защите гражданских прав «Справедливость» и вовсе уверяет: Барановский – правозащитник, пострадавший за неутомимую борьбу с коррупцией. В «Справедливости» Дмитрий Роальдович занимает пост заместителя председателя правления. Попробуем разобраться.

Не на тех напал?

Начнем с формальной стороны. Второго сентября 2009 года Барановскому было предъявлено обвинение в вымогательстве в особо крупных размерах (ч.3 ст. 163 УК РФ). Версия следствия такова: в 2007 году он требовал от предпринимателя Александра Алтунина, ранее директора управления Сбербанка по операциям и финансам, половину компании «Диварекс», владевшей дорогостоящим земельным участком в Подмоскovie. По утверждению заявителя, это было настоящее вымогательство – или отдаешь, или предадим огласке «порочающие сведения». Одновременно похожее заявление в правоохранительные органы сделал министр транспорта Московской области Петр Кацыв, утверждавший, что Ба-

рановский его шантажировал, вымогая крупную сумму денег. При этом Кацыв смог защитить себя еще и в гражданском суде, выиграв дело о защите чести и достоинства у общественной организации «Справедливость», разместившей на своем сайте, как оказалось, ложную и оскорбительную информацию. Дмитрий Барановский, как я упомянул, значится заместителем председателя правления этой самой «Справедливости».

А весной 2009 года Барановский задел еще одного весьма влиятельного человека – режиссера Никиту Михалкова. 23 апреля 2009 года тот заявил в милицию, что накануне его сыну Артему позвонил знакомый, который передал: Дмитрий Барановский предпримет «самые жесткие меры, и я пожалею о том, что с ним связался». Но при чем тут вообще Никита Сергеевич? Оказалось, Барановский был вовлечен в известный конфликт в Союзе кинематографистов России. Вряд ли бизнесмена интересовали вопросы кинотворчества. Другое дело – главный предмет спора – имущество Союза, оцениваемое экспертами в 150 миллионов долларов: пансионаты и дома отдыха в Подмоскovie, недвижимость в столице и пр. Интерес к кинематографу у Барановского вызван еще и тем, что сам он владеет акциями ЗАО «Фильмэкспорт». Как бы там ни было, в скандальной эпопее со съездом кинематографистов Барановский активно играл на стороне главного оппонента Михалкова, Марлена Хуциева.

Сам Барановский так прокомментировал свою кинематографическую эпопею. «Я передал через общих знакомых просьбу Михалкову закончить поливать меня грязью, видимо, это обращение известный режиссер расценил как угрозу. Это абсурд, Михалкову никто не угрожал».

Так это или нет, но «наезд» на Михалкова подлил масла в огонь, разгоравшийся уже при участии солидных госструктур. Именно 21 апреля 2009 года прокуратура возобновила расследование, казалось бы, забытого дела 2003 года о хищениях в РАТЕП. 28 мая прошла серия обысков сразу по десяти адресам: в самом РАТЕП, в фирмах, офисах и квартирах Барановского. Представитель ГУВД Московской области так пояснил прессе, чем они были вызваны: «Срок погашения долгов завода наступает в этом году, и в случае предъявления требований об их выплате со стороны подконтрольных господину Барановскому фирм государственное оборонное предприятие окажется в положении банкрота».

1 июня в Серпухове Барановский вывел сотрудников РАТЕП и «Металлиста» на митинг протеста – прямо под окнами здания местного горотдела УФСБ по Москве и Московской области.

Позже один из работников некой компании «Финансы и Недвижимость» описал в блоге, как сотрудников этой конторы несколько раз «арендовали» для участия в митинге с участием Барановского уже на Пушкинской площади: «Там были люди в плащах с надписью

СЕРГЕЙ КИСЕЛЕВ/КОММЕРСАНТЪ

Август 2009 года. Дмитрий Барановский (справа), обвиняемый в вымогательстве, после заседания Тверского суда

«Справедливость». Барановский Д.Р. сам выступил. Мы ничего не поняли, о ком идет речь, против кого организован митинг, достояли до конца, а потом обратно на работу». А сотрудники «Сигмы» описали в блогах, как перед обысками в компании они «все бумаги архивировали и сдали в архив, а остальные уничтожили. И поехали всей компанией на озеро отдыхать. Вот думаем, какая щедрость... Это было похоже на пир во время чумы». В августе последовал арест.

С тех пор обращение в защиту Барановского и поручительства за него для изменения меры пресечения подписали известные и уважаемые ветераны боевых действий в Афганистане. В Интернет выложены десятки роликов о Барановском и его деле. Никогда до того «афганское» сообщество не защищало «своих» столь рьяно и скоординированно. Как не защитило оно, например, полковника Игоря Печерских, командовавшего в Афганистане 3-м батальоном 345-го парашютно-десантного полка – тем самым батальоном, в состав которого входила легендарная 9-я рота. По ложному, как утверждают эксперты, обвинению в вымогательстве офицер был осужден на шесть лет колонии. (См. «Совершенно секретно», №4 за 2010 год.)

Такое впечатление, что герой был один на весь полк – рядовой Барановский Д.Р. За него, не успевшего, к слову, отличиться на войне (призвали его под самый ее конец), заступились... Почему? Знали ли лично поручители того, за кого заступались, и в чем его обвиняют? В списке тех, кто за него поручился, не только ветераны-афганцы. Здесь и депутаты Госдумы, к примеру, Михаил Гришанков, Дмитрий Саблин, отставной генерал Лев Серебров, Франц Клинецвич, Сергей Осадчий, Олег Лебедев, Дмитрий Савельев (все – «Единая Россия»), Ирина Горькова (ЛДПР). Среди поручителей – Кирсан Илюмжинов; Андрей Вавилов, сенатор (ныне бывший) и бывший же замминистра финансов, памятный участием в выдающихся аферах 1990-х; отставной генерал милиции Валентин Черноглазов, ныне возглавляющий управление ОАО «Русский мех»; уволенный в запас генерал-майор ФСБ Геннадий Крутов; полковник ВДВ Павел Поповских (главный фигурант дела Холодова); бывший командующий авиацией Сухопутных войск Виталий Павлов. Есть и генералы действующие, к примеру, генерал-майор Александр Кирилин, начальник управления Минобороны (по увековечиванию памяти погибших при защите Отечества).

Коммандос «бензиновой войны»

«Дмитрий Роальдович Барановский является разносторонней личностью, постоянно стремится к самосовершенствованию. Его отличает высокая работоспособность, стремление доводить начатое до конца, принципиальность и активная жизненная позиция», – гласит официальная биография героя, вывешенная в Интернете после его ареста.

А общественности имя Дмитрия Барановского стало известно осенью 1997 года, когда экс-десантник, исполняющий обязанности генерального директора ГП «Московский производственный комбинат автообслуживания» (МПКА) развернул в СМИ мощное наступление на экс-министра топлива и энергетики РФ Юрия Шафраника, тогдашнего руководителя Центральной топливной компании (ЦТК). Кстати, к тому времени относится и первый опыт участия Барановского в организации массовых акций: под его руководством «трудовой коллектив» МПКА 6 сентября 1997 года провел напротив зданий Минтопливэнерго на Славянской площади (там же был и офис ЦТК) довольно шумный митинг. Полторы тысячи трудящихся с плакатами «Долой ЦТК!» яростно требовали отставки Шафраника, а затем торжественно сожгли его чучело. Тот факт, что ряд телеканалов показали это действие со всеми подробностями, наводил на мысль, что за 27-летним начинающим бизнесменом Барановским стояли фигуры весьма влиятельные.

После тех событий Дмитрий Роальдович еще целый год регулярно раздавал интервью на одну и ту же животрепещущую тему – какой нехороший человек этот Юрий Шафраник. И чуть ли не открыто обвинял своего противника в организации... убийства генерального директора МПКА Владимира Монахова.

Напомню: Владимир Монахов был застрелен неизвестным убийцей 16 августа 1997 года на своей даче в Тверской области (возле Калязина) прямо на глазах у дочери. Заказное убийство стало одним из громких эпизодов разгоравшейся тогда в столице «бензиновой войны» (или, как ее еще называли, «войны бензиновых королей»). Когда читаешь газеты 13-летней давности, ловишь себя на мысли о некой «типовой» гангстерской войне. В ход шли любые средства – от угроз, шантажа, «сливов» в СМИ до поджогов, погромов, стрельбы.

МПКА в ту буйную пору был одним из трех главных китов топливного рынка столицы: 240 заправок, сеть магазинов запчастей. Причем, по оценкам экспертов, каждая заправка тогда приносила прибыль поистине умопомрачительную – до 120 тысяч долларов ежемесячно. На этом фоне даже дань, которую заправки платили криминальным группировкам, около 10 тысяч долларов в месяц, выглядит хоть и стремно, но не слишком обременительно.

Путем несложных математических действий подсчитываем: заправочные станции МПКА несли яйца воистину золотые – около 28 млн долларов в месяц! Ведь в разгаре был настоящий автомобильный бум, себестоимость бензина – копеечная, к тому же не секрет, как бензиновые короли платили налоги.

С 1992 года руководство МПКА пыталось приватизировать сие сладкое место, формально считавшееся собственностью муниципальной. Вопреки планам города, уже в середине 1996 года за акционирование МПКА заинтересованные лица взялись всерьез. Именно тогда Дмитрий Барановский материализовался в компании в качестве заместителя директора «по перспективному развитию». К тому моменту молодой бизнесмен уже имел и свою команду, и репутацию специалиста по «разрешению вопросов» и «решению проблем». Тех, что обычно возникают при передаче собственности. Во всяком случае, когда в том же 1996 году у МПКА обострились отношения с рядом чеченских товарищей (пресса писала, что братья Джабраиловы якобы потребовали, чтобы МПКА безвозмездно переоформил на принадлежащую им компанию «Данако» три своих АЗС), «афганец» эту проблему успешно разрулил.

СМИ подметили странное совпадение: с появлением на МПКА команды «по перспективному развитию» явно процветающий комбинат неожиданно оказался в долгах. Кредитов набрали столько, что к июню 1997 года их насчитывалось 553 миллиарда рублей (хотя в январе речь шла «лишь» о 195 миллиардах). Напомню: 553 миллиарда неденоминированных рублей по курсу того времени – это почти 96 миллионов долларов.

Зачем набрали столько кредитов, если одна ежемесячная прибыль МПКА от заправок составляла никак не меньше 28 миллионов долларов? Официальных данных, на что были истрачены эти кредиты, нет. А потому можно сделать вывод, что кому-то понадобилось, что называется, подвести МПКА под монастырь. Иначе говоря – обанкротить и прибрать подешевке к рукам. Авторство этого плана журналисты приписывали «кризисному менеджеру» Дмитрию Барановскому, который в тот момент проходил свидетелем по ряду уголовных дел, в том числе и в связи с убийством его начальника по МПКА Владимира Монахова. В газетах того времени мелькала информация, что у гендиректора МПКА «был заместитель Дмитрий Барановский (пользующийся в определенных кругах кличкой Белый)».

Любопытно, что команда, с которой на МПКА появился Барановский, состояла в основном из представителей фирм, связанных с авиацией и обороной. Самого Барановского называли человеком Ананьева: Евгений Ананьев (бывший офицер 6-го управления КГБ) тогда возглавлял правление «МАПО-банка», прославившегося целой серией громких скандалов. Например, аферой с фиктивной продажей в Индию партии МиГов – после этой сделки из российской казны испарилось свыше 230 миллионов долларов. К операции по прокрутке денег через «МАПО-банк» был причастен и тогдашний замминистра финансов Андрей Вавилов. Евгений Ананьев в 1997-1998 гг. был гендиректором Госкомпании по экспорту и импорту вооружений и военной техники «Росвооружение» («Совершенно секретно» писало о нем в статье «Росвор» в законе», №11 за 1998 год), был оттуда с позором снят, а позже объявлен в международный розыск... итальянскими правоохранительными органами – по обвинению в отмывании денег и получении взятки в 18 миллионов долларов при продаже в 1998 году Перу истребителей МиГ-29.

Г-н Вавилов, покинув госслужбу, процветал, в 2002 году стал сенатором от Пензенской области.

Следствие по исчезнувшим миллионам неспешно шло и к июлю 2008 года пришло к выводу: Вавилов-таки «совершил хищение и злоупотреблял служебным положением». Денежки же «в результате сложной финансовой схемы попали на счета подставных компаний в офшорной зоне Антигуа и в Латвии». Вина Вавилова в мошенничестве в особо крупных размерах и злоупотреблении служебным положением, как сообщили следователи, «полностью доказана». Однако на этом все и закончилось. Потому что сенатор Вавилов дал согласие... на прекращение в отношении него уголовного дела о хищении 231 млн долларов из госбюджета «по нереабилитирующим основаниям» – в связи с истечением срока давности.

Такие вот были тогда у Барановского наставники по бизнесу, чьи интересы он, предположительно, и обслуживал.

А еще среди них значился скандально известный банкир Аркадий Ангелевич, хозяин «Монтажспецбанка». Тот самый Ангелевич, который проходил по делу о хищении 106 миллиардов рублей, и в чьем сейфе обнаружилась знаменитая кассета с записью «банно-прачечных» развлечений министра юстиции Валентина Ковалева, эту историю в свое время и раскрутила «Совершенно секретно» (№7 «Совершенно секретно» за 1997 год). Министр Ковалев подал иск против нашей газеты, но позорно его проиграл.

В банке Ангелевича МПКА держал свои счета, являясь к тому же его акционером. Кстати, именно Ангелевич предложил Монахову, свою схему «реструктуризации» долгов, которую, собственно, и навязывали гендиректору десантированные в МПКА замы-варяги. Однако Мо-

нахова, похоже, не совсем устроил план, предполагавший, что обанкроченное предприятие достанется не ему.

А тут еще мэрия взялась за наведение порядка в бензиновом хаосе. Организовала Центральную топливную компанию (ЦТК) во главе с Юрием Шафраником. Шеф ЦТК пообещал ввести непрерывный мониторинг данных не только с каждой колонки, но и с каждого бензопистолета! Смерть Монахова (и оперативно навешанный на Шафраника ярлык «убийцы») планируемая реорганизация МПКА и инкорпорация комбината в состав ЦТК были сорваны. И МПКА, и владельцы частных компаний, арендующие у нее заправки, остались при своем интересе.

На «афганке» и гражданке

Вот так впервые имя Барановского громко и прогремело. Впрочем, у компетентных органов никаких претензий к бывшему десантнику в конце 1990-х не возникло. Зато у общественности и коллег определенный интерес к его персоне возник уже тогда.

Анкетные данные нашего героя сухи, но купными их не назовешь. Его трудовая биография столь обширна, что один лишь список рабочих мест и должностей займет не одну страницу. Свыше 20. За 10 лет.

Родился Дмитрий Барановский 1 октября 1969 года в интеллигентной московской семье. В 1986-м закончил школу и пошел работать автослесарем, затем водителем. Дальше некая путаница. По одной из версий его биографии, он по направлению военкомата окончил авиационную школу ДОСААФ по специальности «летчик-истребитель» и в апреле 1987-го, в возрасте 17,5 лет «в порядке исключения» был призван на службу в Советскую армию, направлен в авиационную часть, но «в связи с несовершеннолетием до полетов допущен не был и отозван в распоряжение военкомата». В исполнении самого Барановского версия звучит так: «Хотел стать летчиком. Отучившись в аэроклубе, должен был в рамках специальной программы Минобороны и ДОСААФ служить в авиационной части. Не знаю, как в военкомате не доглядели, но в армию меня призвали в 17,5 лет. Так бы я и стал летчиком, но в части, куда меня определили, оказался пеленбор курсантов, и меня отправили обратно. Мол, приедешь через полгода...»

Для тех, кто понимает, все это, мягко говоря, странно. Не знаю, что уж там скрывать или не договаривает Дмитрий Роальдович. Но трудно представить, что военкомат в то время что-то «проглядел», призвал за полгода до наступления призывного срока. Как не могло быть в принципе и призыва его в качестве... пилота с последующим «недопущением» к полетам. В 1980-е, как, впрочем, и сейчас, путь в военную авиацию один и тот же: по месту приписки зимой-весной (до 20 апреля) подавалось заявление на имя районного военкома, собиралась куча документов, представлялись характеристики, заполнялись анкеты, проводилось медосвидетельствование. После проверки (тогда еще и семейной родословной) военкомат отправлял пакет с бумагами в училище, а там уже до 20 июня должны были определиться, допустить кандидата для начала к отбору на профпригодность или нет. Присылался вызов, и с 1 по 30 июля граждане проходили этот профотбор и сдавали экзамены. Так что зачислаться туда в августе, а в апреле никого и ни в какие училища просто не принимали и не принимают.

Направить же вчерашнего школьника сразу летчиком и в летную часть, после каких бы то ни было курсов ДОСААФ, – это уже просто ненаучная фантастика. Интересно, зачем Барановскому это понадобилось? Ведь призвали же его в армию в положенный срок – осенью 1987 года, как исполнилось 18... Без ответа, правда, остается другой вопрос: почему Барановский, имея возможность, не стал поступать в военное училище (или гражданский вуз) в 1986-м и 1987-м?

Так или иначе, осенью 1987-го его призывают в ВДВ, направляют в учебку в Фергану, потом – в Афганистан, в 345-й парашютно-десантный полк. Как старательно отмечают биографы, в 9-ю роту – «ту самую». Однако к тому самому бою за высо-

ту 3234, что прославил 9-ю роту, Барановский никакого отношения не имеет: когда произошло сражение (7-8 января 1988 года), он еще был в «учебке». Воинская специальность – снайпер. Удалось ли поработать по специальности, неясно: когда Барановский прибыл в часть, активность боевых действий резко спала – в апреле 1988 года были подписаны соглашения об урегулировании ситуации в Афганистане, в мае СССР начал вывод войск. 11 февраля 1989 года 345-й полк покинул Афганистан, а 9 апреля принял участие в печально знаменитом разгоне митинга в Тбилиси, когда граждан жестоко избивали саперными лопатками. Осенью того же года Барановский ушел на дембель. Из наград у него была лишь вручавшаяся всем советским военнослужащим медаль «От благодарного афганского народа», которую на военном жаргоне называли «Спасибо, что ушли!».

Далее жизнь пошла гражданская, веселая. Союз распадался, надвигалась эра денег – для кого-то больших, быстрых и легких. Бывший «афганец» в эту эпоху вписался. Пару недель проработал комендантом ЖСК «Дружба», еще несколько месяцев – водителем, а в июне 1990-го устроился в некую турфирму «Американский клуб путешествий», где за пять лет вырос из продавца турпутевки в директора по маркетингу. Без отрыва от производства с 1991-го по 1995 г. учился на вечернем отделении планово-экономического факультета Академии народного хозяйства им. Г.В. Плеханова. Электронное средство массовой информации «Агентство федеральных расследований» (flb.ru) сообщает, что в 1991-1992 годах Барановский пару раз привлекался к уголовной ответственности: в январе 1991-го – по ст. 211 УК еще РСФСР (Нарушение правил безопасности движения, ДТП), а в июне 1992-го – по ст. 206 ч. 1 УК (хулиганство). Но, как сообщает справка, вывешенная на сайте flb.ru, дело прекратили «за примирением сторон», потому как «на потерпевшего было оказано моральное и физическое воздействие».

Работая в «Клубе путешествий», Барановский успевал заниматься и другими делами. Как утверждается на том же сайте FLB, свой начальный капитал он создавал в 1991-1993 гг. путем «спекуляции бриллиантами и ювелирными украшениями, цена которых на рынке превышала цену в государственных ювелирных магазинах в 2-3 раза». Причем камушки якобы шли через руководство ряда московских ювелирных магазинов, а все дело прикрывала «красная крыша» – милицейские структуры. Если те слухи правдивы, роль Дмитрия Роальдовича, с учетом его боевого опыта и воинской специальности, поначалу могла быть лишь вспомогательной. Зато прибыльной.

Без отрыва от турбизнеса и вечерней учебы Барановский организовал фирму по торговле автозапчастями. А еще стал советником скандально известного банкира и предпринимателя Ильи Медкова – едва ли не самого «крутого» миллионера первой волны распада останков СССР. То был великий аферист. Основатель и хозяин «Прага-банка», выросшего из кооператива по торговле компьютерами. Этот кооператив позже проходил по громкому уголовному делу с поддельными чеками «Россия». Основатель концерна «ДИАМ» – аббревиатура расшифровывалась банально: «Дорогой Илья Александрович Медков». Кстати, подельником (в смысле партнером по бизнесу) Медкова был уже упоминавшийся Аркадий Ангелевич. Одна из его крупнейших афер, о которой написал первый советский миллионер Артем Тарасов, – участие (за процент) в вывозе за рубеж восьми миллиардов долларов наличными. То были вклады во «Внешэкономбанке», уцелевшие после распада СССР.

Но пик «творчества» Медкова – участие в афере с фальшивыми авизо: грандиозная операция по выкачке из банковской системы России колоссальных средств, в том числе и через Чечню. Общий ущерб составил фантастическую сумму, от одного до четырех триллионов рублей: по курсу того времени, примерно от четырех до... 13 миллиардов долларов! Только через банк Медкова испарилось свыше

▶ 10 миллиардов рублей (около 40 миллионов долларов). Стоит ли удивляться, что такой ценный источник информации, как Медков, прожил бурно, но недолго. Опасаясь ареста, он планировал скрыться, не то во Франции, не то в Германии, но буквально в канун побега, в ночь на 17 сентября 1993 года был убит тремя пулями из карабина ККС. Киллера не нашли. Милиция твердила, что это был дилетант, другие эксперты обращали внимание на места поражения – одна пуля в голову, две в печень и живот...

Специалист по корпоративным спорам

Если Барановский действительно был советником Медкова (а так, например, утверждал 2 июля 2004 года в интервью «Эху Москвы» официальный представитель одного из крупнейших предпринимателей России Виктора Вексельберга Андрей Шторх), то по каким именно вопросам? Советовал ли «афганец» по проблемам туризма или все же по своей воинской специальности? Не вызывает сомнений одно: ему было чему поучиться у великого комбинатора начала 1990-х. Кстати, от странной смерти своего патрона он никак не пострадал. Равно, как и Аркадий Ангелевич, шустро прибравший к рукам всю осиротевшую империю Медкова. Барановский же переместился в структуры господина Ангелевича.

Можно предположить, что у самого Дмитрия Роевдовича большие деньги образовались аккурат после смерти Медкова: иначе, каким образом он в 1994 году, как утверждают информированные источники, через аффилированных лиц он смог стать соучредителем ювелирной компании «Адамас»? Есть сведения, что в 1995-м у «Адамаса» возник конфликт из-за задолженности перед АО «Сельвинит» (производитель калийных удобрений), составившей около трех миллионов долларов. «Крышевала» последних чеченская ОПГ, наехавшая на должников. И для разрешения конфликта, похоже, пришлось Дмитрию Роевдовичу подключить свои «афганские» связи и десантные навыки. Что произошло с теми чеченцами, неведомо, но платить им не стали, а «Сельвинит» внезапно взял и от своих претензий к «Адамасу» «добровольно» отказался. Спустя четыре года «афганец» продал свою долю в ювелирном бизнесе примерно за 9 миллионов долларов. Тогда же он занялся торговлей мехами и стал исполнительным директором АО «Русский мех».

Тот период вообще богат на события. По одной из версий, Барановский участвует в проектах по организации целого ряда клубов, казино и ресторанов. Например, известного клуба-казино «Карусель» на Тверской-Ямской, считавшегося точкой «солнцевских братков» – между прочим, того самого, где в сауне по поручению банкира Ангелевича развлекали и снимали на видео министра юстиции Валентина Ковалева. С именем Барановского также связывали клуб-казино «Титаник», ресторан «Крабхаус», сети «Якитория» и «Фудзи», рестораны «Навруз», «Паризьен», клубы «Министерство» и «Галерея» (на Петровке), «Спортбар» (Новый Арбат)... Скорее всего, без дружбы с «авторитетами» такая деятельность была ту пору невозможна. Видимо, потому молва и зачислила ресторатора с меховым уклоном в состав «солнцевской» ОПГ и отнесла его к числу авторитетных лидеров этой группировки, известного как Дима Белый, сделавшего карьеру, «выполнив ряд ответственных поручений».

В 1995-м экс-десантник засветился в качестве помощника председателя правления «МАПО-банка» Ананьева. И вместе с «МАПО» вел тяжкую борьбу за приватизацию «Архангельскгеологодобычи». Поскольку «МАПО» заручилось поддержкой фигур высшего калибра, приватизация удалась. Долю «Архангельскгеологодобычи» в алмазном месторождении «Ломоносовское» приватизаторы продали структурам, близким Павлу Бородину, а 51 процент – «Лукойлу», предположительно за 170 миллионов долларов.

1995 год отмечен операцией, позже названной аферой с ОВВЗ – облигациями внутреннего валютного займа. Элегантное было дельце: по прямому указанию замминистра финансов Андрея Вавилова

СЕРГЕЙ АНАНИЕВ/КОММЕРСАНТЪ

Барановский участвовал в проекте клуба-казино «Карусель», где в сауне развлекали и снимали на видео министра юстиции Валентина Ковалева (на фото сверху)

ДМИТРИЙ ВАВИЛОВ/КОММЕРСАНТЪ

Замминистра финансов Андрей Вавилов был причастен к прокрутке денег через «МАПО-банк», где председателем правления был Евгений Ананьев (внизу)

ДМИТРИЙ АНАНИЕВ/КОММЕРСАНТЪ

«Внешэкономбанк» передал находившемуся на грани банкротства банку «Единство» облигации внутреннего валютного займа на 35 миллионов рублей. Во главе правления банка стоял Дмитрий Бурейченко, партнер и подельник Аркадия Ангелевича (оба проходили затем по одному уголовному делу). Под это прогоравший банк привлек в качестве кредитов дополнительные пакеты облигаций ОВВЗ. И когда в «Единстве» образовался пакет ОВВЗ на 80 миллионов долларов, облигации через посредническую фирму «Интерекс» (за которой стоял Барановский) были переоформлены в качестве залога за заданное невозвратные кредиты. 80 миллионов «зеленых» утекли неизвестно куда. А банкир кинул кредиторов и сбежал за границу. И снова правоохранительные органы Барановским не заинтересовались. Хотя поговаривали, что он якобы принимал в операции активное участие.

В 1997 году Барановский учреждает ООО «Международную группу «СИГМА», а с января 1999-го становится гендиректором ООО «ЛУКОЙЛ-Маркет-Консалтинг». Но в биографии, вывешенной на своем сайте, Барановский про это даже не упоминает: с 1998-го по 2004 г. у него временной провал. Может, это не он организовал получение льготных государственных кредитов на сумму более 10 миллионов долларов от Министерства сельского хозяйства? Миллионы выдали как бы на поддержку сельхозпроизводителей, решение об их выделении принимал в ту пору замминистра Алексей Гордеев. Когда Гордеева назначили министром, сроки возврата этих кредитов были продлены на неопределенный срок.

Про «Сигму», вице-президентом которой Барановский стал в июле 1999-го, он тоже не вспоминает. Может потому, что ООО «Международная группа «Сигма» активно участвовала в жестких мероприятиях по переделу собственности? Тогда это деликатно именовали «акционированием». В копилке успехов «Сигмы» акционирование аэропорта «Внуково»; банкротство «Совиталпродмаш» (в пользу «Внешэкономбанка России»); скупка акций АО «Мелькомбинат Сокольники» (в интересах КБ «Росбанк»); банкротство ОАО «Брянский механический завод» (в интересах группы «Объединенные машиностроительные заводы» Хахи Бендукидзе); банкротство ГП «Старт» (в интересах Госкомспорта России); банкротство ОАО «Буревестник» (в интересах КБ «Московский индустриальный банк»); скупка акций ЗАО «КОНСТО»; скупка акций Бутурлиновского ликероводочного завода в Воронежской области; банкротство ОАО «Клиноволло» в Московской области (в интересах Сбербанка); скупка акций ЗАО «Фильмэкспорт»; скупка акций ОАО «Уралобувь»; скупка акций ЗАО «Алмоавтофорум» (дилер «Крайслер-Мерседес»); банкротство агропредприятия АО «Кумир» в Иваново; попытка захвата АО «Тагмет» (Таганрогский металлургический комбинат).

В январе 2000 года коллеги из «Новой газеты» добавили было к биографии Барановского еще один штрих, написав, что Дмитрий Барановский, он же «Беленький», входит в «слаженную преступную группу, занимающуюся контрабандным оружейным бизнесом». А легализация полученных доходов, мол, происходила путем вложения денежных средств в перерабатывающую и добывающую промышленность, через различные коммерческие структуры. Однако животрепещущая тема была закрыта неожиданно и резко. Ровно через неделю издание сухо сообщило: «В предыдущем номере «Новой газеты» в материале «Чисто конкретные выборы» мы писали о причастности депутата Государственной думы Андрея Скоца, а также Дмитрия Барановского, Льва Кветного и Владимира Кветного к солнцевской преступной группировке и контрабанде оружия». Но... «в результате дополнительной проверки выяснилось, что данные, предоставленные нашим источником, не соответствуют действительности... Мы приносим извинения вышеупомянутым господам... Впрочем, слухи о солнцевских и оружии ходили и позже. В том же 2000 году Управление по борьбе с терроризмом ФСБ вместе с отделом ФСБ Восточного округа Москвы провело обыск в одном из офисов фирмы Барановского: искали оружие –

агентура сообщила, что инкассаторская машина доставила туда 10 ящиков, похожих на оружейные. Но в них оказалось не оружие, а вакуумные колбы с рубидием, щелочным металлом. Рубидий в промышленных объемах не используется. Зато в то время его пытались использовать в банковских аферах. Банкиры давали кредиты, беря его в залог по фантастическим ценам: 2-3 тысячи долларов за грамм. Такие же аферы проворачивали и с мифической красной ртутью. Что уж с тем рубидием дальше стало, неведомо. Но руководивший обыском офицер ФСБ Потейко в 2002 году погиб в автокатастрофе при странных обстоятельствах.

На сайте Барановского вывешен список книг, настоятельно рекомендуемых Дмитрием Роевдовичем к прочтению. Значится там и произведение Павла Астахова «Рейдер». Ибо она «о разных формах психологии рейдерства в России и о том, кем могут стать и что полезного смогут, в итоге, сделать самые умные рейдеры».

Технологии и типовые схемы захватов т. н. проблемных активов, описаны давно и детально: «белые», «черные» и совсем уж криминальные – когда собственнику помогли покинуть этот свет. «Белые», конечно, гуманнее: через подставные структуры скупают блокирующий пакет акций, дальнейшее уже дело техники. «Черные» грубее: предприятие методично банкротят, вгоняя в долги. Затем используют по назначению: продают реальному заказчику целиком или по частям. Весьма часто (если не всегда) заинтересованное лицо опирается на «засланных казачков», «пятую колонну» внутри вождя объекта, людей внедренных или подкупленных.

Не обошлось без них и при «освоении» серпуховского РАТЕП, который входит в одно из крупнейших объединений ВПК, концерн ПВО «Алмаз-Антей». События развивались по традиционной схеме: из РАТЕП уводили акции, исподволь вгоняли в долги и вели предприятие к искусственному банкротству. Что мало устраивало государство, которому принадлежал контрольный пакет акций – 50 процентов плюс одна. Впрочем, в концерне «Алмаз-Антей» в ту пору вообще много чего интересного творилось: создавался он с 2000 года в тяжких муках, путем объединения концерна «Антей» и НПО «Алмаз». Главное, что тогда решалось: кто будет рулить колоссальными финансовыми потоками и выгодными зарубежными заказами. Делиться лакомым куском никому не хотелось, конфликт интересов возник мощнейший. К примеру, очень влиятельные лица противились включению в концерн того же РАТЕП.

В августе 2001 года президент Путин поручил разрулить ситуацию чиновнику, не вовлеченному в конфликт группировок – заместителю главы своей администрации генералу ФСБ Виктору Иванову. А тот, в свою очередь, ключевую роль в реорганизации концерна отдал своему помощнику, Игорю Климову. Последний и взялся наводить порядок. В апреле 2003 года Климов в качестве и.о. гендиректора ОАО «Концерн ПВО «Алмаз-Антей» обратился в Генеральную прокуратуру. И 17 апреля 2003 года Генпрокуратура возбудила уголовное дело по ч.3 ст.160 УК РФ (растрата вверенного имущества в крупном размере) – о хищении средств РАТЕП. Климов тогда утверждал, что руководство РАТЕП хочет обанкротить предприятие. Следователи прокуратуры произвели выемку документов в РАТЕП, причем им было оказано такое сопротивление, что пришлось задействовать ОМОН.

Помимо этого, по инициативе Климова началось расследование «исчезновения» в концерне «Алмаз-Антей» огромных средств во время реализации контракта на поставку в Грецию зенитных ракетных комплексов «Тор-М1» (контракт 1998-2001 гг. на сумму 860 миллионов долларов). Видимо, оппоненты посчитали, что это уже слишком. 6 июня 2003 года Игорь Климов был убит в Москве, а вечером того же дня в Серпухове был расстрелян Сергей Щитко, коммерческий директор РАТЕП. Щитко, кадровый офицер ВМФ, долгое время служил в РАТЕП военным приемщиком, блистательно знал производство, потом ра-

ботал в высшем экономическом совете при Правительстве РФ. В марте 2003 года вернулся в РАТЕП, считался сильным квалифицированным управленцем. Известно, что, помимо прочего, он противился внедрению в РАТЕП Барановского. Климова и Щитко убили накануне годового собрания акционеров обеих компаний: Климова Кремль хотел видеть полноценным гендиректором концерна, а Щитко значился в списке кандидатов в совет директоров ОАО РАТЕП. Исполнители и заказчики этих убийств не найдены. А в руководство РАТЕП пришел господин Барановский, став первым заместителем гендиректора РАТЕП.

Расследование о хищении средств РАТЕП, начатое было в 2003-м и тихо заглохшее, весной 2009 года, как я упоминал, возобновилось. Попутно следователи начали проверку деятельности Барановского, тем паче появились некие данные, что идея искусственного банкротства РАТЕП до конца не умерла...

Медальный звон

Особенно умиляет в связи с этим возведение Дмитрия Барановского в ранг «правозащитника». Видимо, поводом для этого послужила номинация Барановского на должность заместителя председателя правления «Справедливости». Но применительно к одному из боссов ВПК это звучит примерно так же, как бесмертное выражение генерала Лебеда: «генерал-демократ – все равно что еврей-оленовод». Потому как за чьи именно права боролся Дмитрий Роальдович (не считая корпоративных) и кого он лично защитил, непосвященным неведомо.

Кстати, обилие регалий с деяниями правозащитными и антикоррупционными тоже как-то не стыкуется. Например, в официальной биографии написано, что «за свою активную деятельность Дмитрий Роальдович Барановский неоднократно награждался государственными и ведомственными наградами». Государственных, правда, там не указано (наверное, они секретны), а вот ведомственных действительно немало. Вот их перечень: медаль Министерства внутренних дел «200 лет МВД России» (2002 г.), медали Министерства обороны – «За воинскую доблесть» II степени (2004 г.), «За трудовую доблесть» (2006 г.), «За укрепление боевого содружества» (2006 г.), «Генерал армии Маргелов» (2007 г.), «За заслуги в увековечивании памяти погибших защитников отечества» (2008 г.). Но более всего удивляет наличие медали Федеральной службы исполнения наказаний «За вклад в развитие уголовно-исправительной системы России», обретенной в 2008 году, – самое оно для правозащитника и борца с коррупцией!

Но главное, если Барановский действительно награжден всеми этими медалями, то не без грубого нарушения их официального статуса. Так, упомянутой медалью МВД, помимо кадровых сотрудников и ветеранов ведомства, могут награждаться лишь «граждане, оказывающие помощь в выполнении возложенных на МВД России задач». Какой вклад внес Барановским в развитие тюремной системы, загадка. Медалью МО «За воинскую доблесть» награждаются лишь действующие военнослужащие – «за отличные показатели в боевой подготовке, полевой (воздушной, морской) выучке», а также «за отвагу, самоотверженность и другие заслуги, проявленные при исполнении воинского долга». Медалью МО «За трудовую доблесть» положено награждать исключительно гражданский персонал Вооруженных сил, медаль

«За укрепление боевого содружества» вручается военнослужащие и персоналу ВС РФ, а также гражданским лицам и иностранцам, но лишь «за заслуги в укреплении боевого содружества и военного сотрудничества с дружественными государствами». Медаль «Генерал Армии Маргелов» – для десантников, вручают ее и ветеранам ВДВ, но лишь имеющим выслугу 25 календарных лет в ВДВ: Барановский служил в ВДВ два года. Кстати, кадровым военным для получения хотя бы части из этого медального набора надо немало послужить, пота пролить, а то и крови, а тут их штатскому регулярно

торскую, находясь на излечении после первого ранения, и вновь вернулся на фронт. Трижды представлялся к званию Героя Советского Союза! А после войны выступил против «лысенковщины», был исключен из партии и на девять лет выкинут из науки. За выдающиеся достижения в генетике АН СССР хотела было выдвинуть его на Нобелевскую премию, но идею зарубил ЦК КПСС.

Но как все это соотносится с делом самого Барановского? Прямо: имя Иосифа Рапопорта активно используется в пиар-кампании его внука. Вот навскидку набор цитат: «Дмитрий Барановский

примером бескорыстного служения людям и стране», «важно помнить о своих предках. Без этого не будет будущего. Мне память о деду помогает не ронять честь рода. Я искренне стремлюсь не запятнать память своего родственника, который совершил героический поступок», «мой дед в Великую Отечественную командовал десантным батальоном, поэтому я в определенном смысле продолжил династию – попросился в десант...»

Память предков – священна, но некая неувязка тут все же есть, потому как вспоминать деда – активно и публич-

И.о. генерального директора концерна ПВО «Алмаз-Антей» Игорь Климов был застрелен в 2003 году незадолго до собрания акционеров по выборам гендиректора. Именно после этого Барановский стал первым заместителем гендиректора РАТЕП

навешивают. Но, быть может, мы чего-то не знаем, и наш герой на самом деле вовсе не на «гражданке», а на секретном задании?

Внук за деда

Едва ли не самый интригующий ход в битве вокруг Дмитрия Барановского уже в медийном пространстве – использование имени его дедушки – Иосифа Рапопорта. Это действительно был человек блистательный – во всех отношениях, настоящим герой – войны и науки. Вот о ком романы писать и фильмы снимать: выдающийся генетик, член-корреспондент Академии наук СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, кавалер двух орденов Красного Знамени, ордена Суворова III степени, трех орденов Отечественной войны – двух I степени и II степени, два ордена Трудового Красного Знамени. А еще в его послужном списке американский боевой орден Legion of Merit («Легион Почета»). Иосиф Рапопорт ушел на войну добровольцем, хотя, как кандидат биологических наук, мог остаться в тылу, за просто получив «броню». Прошел путь от командира взвода до комбата и начальника штаба полка, несколько раз был ранен, потерял левый глаз. Защитил док-

очень много прекрасного унаследовал от этого замечательного человека [И.А. Рапопорта]: и честность, и замечательное отношение к людям, и большой талант в своей работе»; «Иосиф Абрамович – родной дед Дмитрия Барановского, и думается, что он передал своему внуку не только гены, но и особую жизненную позицию»; «внук известного российского генетика Иосифа Рапопорта продолжил дело своего славного деда»; «внук решил закончить дело почти всей жизни своего знаменитого деда»...

Действительно, разве мог внук такого замечательного дедушки не стать таким же в своем роде замечательным: дед – воин-герой и великий ученый, и внук у него достойный – тоже воин и великий труженик. Разве мог такой внук совершить нечто нехорошее, а тем более противозаконное?

Сам Барановский, если судить по регулярно просачивающимся на волю из Лефортово интервью, скромно, но к месту и продуманно вспоминает знаменитого деда. Определенный штрих к его портрету они прибавляют: «Как и мой дед в молодости, я тоже хотел стать летчиком», «к двенадцати я понял, что мой дед – человек огромной внутренней силы, и стал присматриваться к нему внимательнее», «его жизнь я считаю

но (судя по хронологии выступлений в прессе) Дмитрий стал довольно поздно. Точнее, когда копать под него недоброжелатели и следователи стали совсем уж явно. Тогда же его оппоненты слили в СМИ щекотливую информацию, что Барановский якобы собирается репатрироваться в Израиль и обратился в ЗАГС с заявлением изменить свою фамилию на дедовскую – Рапопорт. Ударили, что называется, ниже пояса. Сам же Барановский опроверг это, но частично: менять фамилию и бежать в Израиль не собираюсь, хотел лишь добавить фамилию деда-генетика к своей. Да что уж там добавлять, принес в ЗАГС заявление и свидетельство о рождении! Тем более что вообще-то фамилия эта не только его деда, но и отца...

Кому-то покажется странным, что в свое время, оформляя паспорт, Дмитрий Роальдович фамилию родного отца (и знаменитого деда) не взял. Но, во-первых, это сугубо личный выбор человека. И, во-вторых, пойдем тогдашнего мальчишку 16 лет: на дворе СССР с его «легким» антисемитизмом. Парень же вроде бы грезил о небе, а с фамилией Рапопорт точно было не взлететь...

И ведь действительно, пойдя он тогда в авиацию, как вроде бы и хотел, может, и не было бы ни разборок, ни камеры в «Лефортово», ни статей о нем, как о выдающемся рейдере. Но зато какая захватывающая жизнь, какая интрига, какая разносторонняя деятельность: турагент, армейский снайпер и советник банкиров, торговец золотом и пушиной, приватизатор алмазных приисков и водитель, автослесарь и ресторатор, торговец запчастями и бензиновый король, военный промышленник и, наконец, правозащитник, активист-ветеран и православный спонсор-благотворитель. Роман! Что из этого романа – правда, а что – вымысел, отчасти станет ясно после суда.

По инициативе Климова началось расследование «исчезновения» в концерне «Алмаз-Антей» огромных средств во время реализации контракта на поставку в Грецию зенитных ракетных комплексов «Тор-М1» (контракт 1998–2001 гг. на сумму 860 миллионов долларов). Видимо, оппоненты посчитали, что это уже слишком. 6 июня 2003 года Игорь Климов был убит в Москве...

С нами тайное становится явным

Главный редактор:
Олег Анатольевич СОЛОВЬЕВ

**НАД ПРИЛОЖЕНИЕМ
РАБОТАЛИ:**

Александр КЛИЩЕНКО
Ирина ШМЕЛЁВА

**ОБЩЕСТВЕННЫЙ
РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ:**

Александр БЕНЕНСОН
Карл Арне БЛОМ (Швеция)
Михаил ВЕЛЛЕР
Борис ДАНЮШЕВСКИЙ
Эндрю ДЖЕННИНГС (Великобритания)
Михаил КАТЫШЕВ
Василий ЛИВАНОВ
Виктор ЛУПАН (Франция)
Михаил ЛЮБИМОВ
Филипп НАЙТЛИ (Великобритания)

Лариса РЕШЕТНИКОВА
Мартин Круз СМИТ (США)
Александр СТРУЕВ
Пако Игнасио ТАЙБО II (Мексика)
Эдуард ТОПОЛЬ

Учредитель:
ООО «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО-НЬЮПРЕСС»

Адрес учредителя:
121099, г. Москва,
ул. Композиторская, д.17

Генеральный директор:
Павел ЗВЕРЕВ

Адрес редакции:
127247, Москва,
Дмитровское шоссе, д. 100, стр. 2
e-mail: sovsek@sovsek.com
Телефон: +7 499 288 00 72

ПО ВОПРОСАМ РЕКЛАМЫ:
Операционный директор:
Андрей КОРАБЛИН
+7 499 288 00 72;
e-mail: reklama@sovsek.com

ОТДЕЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ:
+7 499 288 00 89

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ:
+7 499 288 00 89
**Издание зарегистрировано
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)**
ПИ № ФС77-58624 от 11.08.2014г.

Интернет-версия газеты:
www.sovsekretno.ru

Подписано в печать 04.02.2020 г.
Выход в свет 04.02.2020 г.
Общий тираж: 100 000 экз.
Свободная цена.
Распространяется только в розницу.

Приложение печатается в городах:
Москва, Хабаровск

Редакция не имеет возможности
рецензировать и возвращать
не заказанные ею рукописи и иллюстрации.
Перепечатка материалов,
их использование в любой форме,
в т.ч. в электронных СМИ, возможна только
с разрешения редакции.

Точки зрения редакции и авторов
не всегда совпадают.

© «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО-НЬЮПРЕСС», 2020

Импортер в Беларусь:
ООО «Росчерк»
г. Минск, ул. Сурганова, 57 Б, офис 123;
тел: +375 17 331 94 27 (41)

Дистрибьюторы
Приложения:
**ООО «Издательский дом
«Гранд Экспресс»**
Директор: Станислав ГЛУХОВ
680000, г. Хабаровск, Уссурийский б-р, 9а;
тел: +7 421 230 99 80

Отпечатано в
АО «Прайм Принт Москва»
Адрес: 141707, Московская область,
город Долгопрудный, проезд Лихачевский,
дом №5В

Тираж: 14 100 экз.
Заказ № 396